

18+

ГРИЦИАН АНДРЕЕВ

ХРОНИКИ БОЛЬНЫХ УБЛЮДКОВ

Грициан Андреев

Хроники больных ублюдков

<https://litres.ru/74161054>

ISBN 9785007062053

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Хроники больных ублюдков» — сборник убойного трэша, чёрного юмора и совершенно нездоровых приключений. Внутри вас ждёт повесть «Гнилой трип» о компании столичных мажоров, которые совершили главную ошибку в своей жизни — свернули не на ту дорогу.

А ещё — угарные злключения местных психопатов, готовых пилить, жрать и взрывать всё подряд под весёлое бречение банджо. Наливайте трупный самогон и держите свои потроха при себе — в этой дыре вас сожрут с песней, пляской и без единой щепотки соли!

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ от Романа Незнаю	5
ВСТУПЛЕНИЕ: РОЖДЕНИЕ ГНИЛОЙ НОЧИ	8
ГНИЛОЙ ТРИП: ЗОЛОТАЯ МОЛОДЁЖ	12
ПРОТИВ БОЛЬНЫХ УБЛЮДКОВ	
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	34
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	51
Глава 7	56
Глава 8	60
Глава 8	65
Глава 9	70
Глава 10	75
Глава 11	80
Глава 12	84
Глава 13	89
Глава 14	93
Глава 15	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Хроники больных ублюдков

Грициан Андреев

© Грициан Андреев, 2026

ISBN 978-5-0070-6205-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

от Романа Незнаю

Когда Грициан Андреев попросил меня написать для этой книги предисловие, я не мог ему отказать. Потому что во-первых, мы друзья, а во-вторых, мне понравилась идея записать в его новую книгу частицу себя любимого.

И когда я открыл книгу у себя в читалке, то подумал, какого хрена он написал так много? Я явно не был готов так много читать из-за своей занятости.

В этой книге меня ожидала повесть и горстка рассказов, и я решил, а не набить ли мне Грициана, не, ну а что, пробежусь поверхностно и будет достаточно, а ему отпишусь, что прочитал каждое чертово слово, и когда я начал читать, то признаюсь, я не смог остановиться, потому что это было так охренительно круто написано с самого первого предложения.

Я совсем забыл, на что способен Грициан, ведь он действительно прекрасный рассказчик, который умеет отлично писать и передавать образы словами. Его талант заключается в том, что он может гениально изящно описывать мерзость. Вот, прочитайте первое предложение, с чего начинается повесть: *«Гнилой Городок родился в ночь, когда луна — жирная и гнойная, как лопнувший нарыв, — плевала на землю*

мертвенным светом, а ветер нес вонь тухлятины и паленой резины с далекой свалки».

Ну что, разве это не то, что я имею в виду? А теперь давайте я скажу кое-что еще вам. Где-то шесть или семь лет назад я прочитал рассказ Грициана «Роди меня обратно» и тогда-то я понял, что по-настоящему качественный сплаттерпанк, не уступающий зарубежному, уже появился у нас в стране. Конечно, сейчас у нас есть достаточно творческих парней, которые пишут сплаттерпанк и экстремальный ужас, и они пишут весьма хорошо. Но Грициан пишет очень хорошо, создавая тревожную атмосферу, которая затягивает и долго ещё не отпускает после прочтения.

Если есть сомнения, то прочитайте его произведения, если вы их еще не читали, или же прочитайте эту очень большую книгу. Я вообще советую данную книгу всем, кто любит жанр экстремального ужаса.

Давайте смелей, возможно, больные ублюдки вас не заметят.

Роман Незнаю 25 июня 2026

ВСТУПЛЕНИЕ: РОЖДЕНИЕ ГНИЛОЙ НОЧИ

Гнилой Городок родился в ночь, когда луна — жирная и гнойная, как лопнувший нарыв, — плевала на землю мертвенным светом, а ветер нес вонь тухлятины и паленой резины с далекой свалки. Никто не знает, откуда взялась эта дыра. Местные крысы шепчут, будто сам дьявол однажды обоссал пустырь, и из вонючей лужи выросла эта ржавая, гниющая опухоль. Дома здесь скрипят, как старые кости, а канава хлюпает, словно захлебнувшаяся кровью глотка. Говорят, тогда земля треснула, выпустив удушливый дым, пропитанный серой и сивухой, и из трещины полезли они — больные ублюдки, чьи имена звучат как проклятия, выцарапанные гвоздем на стене сортира.

Лысый Джек тогда еще носил шевелюру. Волосы сгорели до корней, когда он по пьяни пытался поджечь старую покрышку, а та рванула, обдав его горячей резиной и дерьмом. Он стоял посреди пустыря с ржавой пилой, найденной в кучехлама, и орал в небо: — ЭТО МОЙ ГОРОД, СУКИ! Его голос хрипел, как забитый гноем мотор, а глаза горели углями. Пила в его руках запела, рассекая воздух. Первый же «гость» — случайный бродяга в драной куртке — рухнул с распоротым брюхом. Багровая жижa, хлынувшая из раны, стала пер-

вой краской на холсте Гнилого Городка.

Клоун-Расчленитель Гек вылез из канавы. Его желтые патлы торчали, будто провода под напряжением, а зашитая суровой ниткой улыбка сочилась липкими слюнями. Он тащил тесак, украденный из мясной лавки, и хихикал, тыча лезвием в лужу с плавающими кусками плоти. — Это вам не цирк, суки, это мой дом! — взвизгнул он, вспоров бродяге горло, чтобы добавить новые ноты в свою первую запись — визжащий хор, который позже назовут «Сопрано-66». Кровь брызнула ему в лицо; Гек слизал её, словно ребенок — мороженое, пуская пузыри от восторга.

Толстяк Бобби Пузырь вывалился из ржавого трейлера. Его туша колыхалась, как бурдюк с тухлятиной, а рубашка из человеческой кожи трещала по швам. Он жевал кусок покрышки, пропитанной бензином, и рыгнул так, что ближайшая канава вспыхнула, а копоть поднялась к небу мясным занавесом. — ЖРАТЬ! — промычал он, падая на колени перед лужей крови и хлюпая в ней, как свинья в грязи. Его пердеж разнесся по пустырю взрывной волной; крысы бросились наутек, кашляя от ядовитых газов. Бобби хохотнул, вытер жир с подбородка и швырнул кусок резины в костер, где тот затрещал, как кости на гриле.

Старуха Мардж сидела на перевернутом баке. Ее сморщенное лицо блестело, будто сгнивший дождевик, а кривые пальцы-когти ковырялись в куче мусора, выуживая чей-то зуб. — Это ваш город, уроды, — прохрипела она, сплевывая

желтую мокроту. — Режьте, жрите, сжигайте, пока не сдохнете! Она швырнула зуб в костер, и тот треснул с сухим выстрелом, поджигая разлившуюся вокруг лужу бензина.

Той ночью Гнилой Городок ожил. Заскрипели трейлеры, забурлили канавы, а воздух наполнился воем ветра, хохотом маньяков и хрустом костей. Ублюдки собрались у костра, размахивая пилами, тесаками и топорами, и подняли кружки с самогоном на трупном рассоле. — ЗА ГНИЛОЙ ГОРОДОК, МАТЬ ВАШУ! — взревели они, и этот крик разнесся по пустырю гимном безумия. Луна подмигнула им гнойным оком, и ночь поглотила их, как черная пасть, готовая жрать всё без разбора.

С тех пор каждый день здесь — это бойня, каждый праздник — мясной кошмар, а каждый ублюдок — король своего дерьма. Добро пожаловать, мать вашу, в их мир, где кровь — вместо краски, кости — вместо декораций, а смерть — единственный закон. Вытирайте ботинки и держите кишки при себе — тут их жрут без соли.

ГНИЛОЙ ТРИП: ЗОЛОТАЯ МОЛОДЁЖ ПРОТИВ БОЛЬНЫХ УБЛЮДКОВ

Глава 1

— Йоу, подписчики! Всем утренний дзен! С вами Дэнчик, и мы вещаем в прямом эфире прямо из кабины нашего розового зверя! — Дэнчик широко улыбнулся, обнажив идеально отбеленные зубы, и поправил камеру смартфона на штативе. — Ребята, зацените этот вид! Мы едем на самый чистый, самый осознанный и самый экологичный фестиваль года — «Био-Гармония»! Никакого бензина, наш кемпер заряжается исключительно от солнечных панелей и хороших вибраций! Не забываем прожимать колокольчик и кидать донаты на органический смузи!

В салоне кемпера, сиявшем неоновой розовой подсветкой, было просторно, как в приличном номере пятизвездочного отеля. Пахло дорогой искусственной кожей, лавандовым паром от увлажнителя воздуха и ароматическими свечами с запахом «свежескошенной органической травы».

— Дэнчик, ради всего святого, заткнись хотя бы на пять минут, — лениво отозвался Марк.

Он лежал на заднем диване, закинув ноги на полированный столик из бамбукового волокна. На Марке были дизайнерские шорты за три тысячи долларов и футболка, которая, по заверению его личного стилиста, была соткана из нитей, благословленных тибетскими монахами. Марк лениво покручивал в руках золотую карту, постукивая ею по бокалу с безалкогольным безглютеновым шампанским.

— Мой отец лично спонсировал три сцены на этом гребаном эко-фестивале, — продолжил Марк, сделав глоток. — И если из-за твоего стрима мы пропустим VIP-фуршет с устрицами свободного выгула, я лично выкину твой айфон в окно.

— Марк, устрицы не могут быть свободного выгула, у них нет ног, — строго заметила Крис, не отрывая взгляда от своего планшета. Она была одета в строгое худи из переработанных пластиковых бутылок, выловленных из океана. — И вообще, прекрати стучать картой по стеклу. Это создает микровибрации, которые угнетают комнатные растения в нашем био-блоке. И почему ты пьешь из этого бокала? На нем нет маркировки повторной переработки! Ты буквально плюешь в лицо нашей планете!

— Крис, расслабься, — Марк закатил глаза. — Мой отец владеет заводом, который делает эти бокалы. Они разлагаются от одного твоего душного взгляда. Дэнчик, скажи ей.

— Подписчики, напишите в комментариях, кто тут душный — Крис или Марк! — закричал Дэнчик в экран, активно жестикулируя. — А мы пока разыграем эко-очки из прес-

сованного картона среди тех, кто отправит самый крупный донат!

В углу салона, укутавшись в массивный черный плащ, сидела Лика. На её бледном лице выделялась густая черная помада, а в наушниках-капельках тихо шипел депрессивный шведский метал. Она уныло смотрела на идеально ровное, серое полотно загородного шоссе, по которому бесшумно катился их электро-кемпер.

— Какая попса, — вздохнула Лика, вынимая один наушник. — Розовый неон, солнечные батареи, веганские устрицы... Всё такое стерильное, пластиковое, фальшивое. В этом мире совсем не осталось настоящей драмы. Настоящего, глубокого увядания.

— Лика, дорогая, увядание — это токсично для твоей ментальной чакры, — Крис назидательно подняла палец. — На «Био-Гармонии» мы пройдем курс грязевой терапии. Это восстановит твою связь с матушкой-Землей.

— Земля — это просто огромная могила, в которой мы все медленно гнием, — бесстрастно отозвалась Лика и снова вставила наушник, закрыв глаза.

Кемпер бесшумно мчался вперед. Автопилот уверенно держал полосу, а система климат-контроля поддерживала идеальные двадцать два градуса. Все шло просто безупречно, пока на приборной панели не мигнул красный сигнал.

— Оу, чат, кажется, у нас небольшое изменение маршрута! — оживился Дэнчик, переводя камеру на экран навига-

тора. — Из-за ремонта дороги впереди пробка на два часа. Но наш умный навигатор предлагает альтернативный путь! Срезка через лесной массив. Всего сорок минут по живописной лесной трассе!

— Лесной массив? — Крис довольно улыбнулась. — О, это замечательно! Мы сможем сделать отличные снимки на фоне дикого папоротника. Это поднимет охваты нашего эко-челленджа.

— Главное, чтобы там не было сыро, — проворчал Марк, поправляя прическу. — Не хочу, чтобы мои волосы пахли лесной сыростью. Автопилот, поворачивай на объезд.

Розовый кемпер плавно съехал с широкого скоростного шоссе на узкую асфальтированную дорогу, ведущую в густую чащу. Деревья мгновенно сомкнулись над крышей машины, закрывая яркое полуденное солнце. Свет внутри салона стал странного, зеленовато-желтого оттенка.

— Ну что, чат, мы углубляемся в дикую природу! — закричал Дэнчик, предвкушая новые просмотры. — Становится немного жутковато, прямо как в кино! Пишите в комменты свои любимые ужастики, а мы едем навстречу приключениям!

Дорога под колесами кемпера незаметно сменила ровный серый асфальт на шербатую бетонку. Стыки плит отзывались в салоне глухими, ритмичными шлепками: *тук-тук... тук-тук...* Этот звук странно диссонировал с бесшумным, футуристичным ходом электромобиля.

— Так, чат, у нас тут небольшие траблы с интернетом! — Дэнчик помахал телефоном в воздухе, пытаясь поймать сигнал. — Картинка может немного зависать, но вы не переключайтесь! Пишите в чат, как нас видно. О, пользователь с ником *Gravedigger_99* пишет: «Ребята, разворачивайтесь, в этих лесах солярка киснет». Ха-ха, зацените юмор! Какая солярка, бро? Мы на чистом солнце! Нам по барабану!

— Дэнчик, сядь на место и пристегнись, — раздраженно бросил Марк. Он сердито тыкал пальцем в экран своего планшета. — У меня музыкальный стриминг завис. И вообще, связь упала до одной палочки. Что это за дичь? Я не могу обновить котировки акций. Как я должен следить за рынком в этой глуши?

— Марк, это называется цифровой детокс, — Крис снисходительно улыбнулась, аккуратно открывая крафтовый пакет с чипсами из сушеных водорослей. — Тебе полезно побыть наедине с собой, без твоих бездушных цифр. Посмотри лучше в окно. Какое буйство нетронутой природы!

Она прильнула к панорамному стеклу, но её улыбка едва заметно дрогнула.

Лес за окном действительно становился гуще, но назвать его «живописным» было сложно. Деревья стояли слишком близко друг к другу, их стволы были покрыты странным серо-зеленым лишайником, который свисал длинными, похожими на грязную паутину лоскутами. Земля между корнями казалась неестественно темной, почти черной, и была усеяна

толстым слоем прошлогодней прелой хвои, сквозь которую не пробивалось ни единой травинки.

— Странно... — Крис нахмурилась, протирая стекло ладонью. — На такой глубине леса подлесок должен быть более развит. А тут... ни кустарников, ни папоротников. И птиц не слышно. Автопилот, какая у нас влажность воздуха снаружи?

Бортовой компьютер бесстрастно отозвался мягким женским голосом:

«Влажность воздуха снаружи — восемьдесят девять процентов. Обнаружено повышенное содержание углекислого газа и взвешенных частиц. Рекомендуется активировать режим внутренней рециркуляции воздуха».

— Вот видишь! — Крис победно посмотрела на Марка. — Это всё из-за лесных пожаров или неправильной вырубki в соседних районах. Лес буквально задыхается! Нам определенно нужно поднять эту тему на панельной дискуссии фестиваля. Дэнчик, сделай скриншот показателей приборной панели, это будет отличный слайд для презентации.

Дэнчик послушно щелкнул камерой, но его внимание уже было приковано к чату, который внезапно начал двигаться быстрее, несмотря на плохую связь.

— Опа, чат разогревается! — зашептал он. — *Slayer_666* пишет: «Вы проехали поворот на Кровавое Болото». Чувак, ты откуда такие названия берешь? Из своих настолок? И еще один коммент от *User_01*: «У вас на крыше кто-то си-

дит». Ребята, ну хорош троллить! На крыше у нас только гибкие солнечные панели последнего поколения за десять тысяч евро. Какая крыша, вы чего?

Ли́ка медленно открыла глаза. Она прислушалась не к музыке в наушниках, а к звукам снаружи. Помимо мерного *тук-тук... тук-тук...* колес по бетонным плитам, ей показалось, что сквозь плотные двойные стекла кемпера пробивается какой-то другой гул. Низкий, вибрирующий, похожий на работу очень старого, раздолбанного дизельного генератора где-то глубоко в чаще.

— Слушайте, — тихо сказала она. — Вы слышите это?

— Слышим что, Ли́ка? Твои похоронные мотивы? — отозвался Марк, безуспешно пытаясь перезагрузить роутер под сиденьем.

— Нет. Как будто кто-то пилит дерево. Или заводит ржавый трактор.

— Обычные звуки лесозаготовки, — отмахнулась Крис, жуя водоросли. — К сожалению, государственные лесхозы до сих пор используют технику двадцатого века, которая отравляет почву тяжелыми металлами. Вот поэтому мы и боремся за переход на электротягу.

В этот момент кондиционер кемпера едва заметно чихнул.

В лавандовый аромат салона подмешался тонкий, едва уловимый шлейф. Он был очень странным — не просто дым или выхлопные газы. Это был резкий запах пригоревшего животного жира, смешанный с кислой нотой дешевого

технического спирта и застарелой сырости, какая бывает в непроветриваемых деревенских подвалах.

Марк поморщился и помахал ладонью перед носом:

— Крис, твои эко-чипсы пахнут так, будто их сделали издохлой собаки. Перестань это жрать, меня сейчас стошнит прямо на твой бамбуковый коврик.

— Это не чипсы! — возмутилась Крис, принюхиваясь. — Мои чипсы пахнут морем и органическим йодом! Это... это, наверное, из вентиляции. Марк, твой отец точно проверял воздушные фильтры перед тем, как отдать нам машину? Пахнет какой-то тухлятиной!

— Фильтры новые, — огрызнулся Марк, начиная заметно нервничать. Отсутствие интернета и странный запах портили ему настроение быстрее, чем падение курса биткоина. — Бортовой компьютер! Проверить состояние салонных фильтров.

Компьютер отозвался с небольшой задержкой, и его обычно безупречный голос прозвучал как-то глухо, со странными металлическими щелчками:

«Состояние... фильтров... штатное. Внимание. Обнаружен внешний источник органического загрязнения. Рекомендуется... закрыть... окна...»

— Они и так закрыты, идиотская жестянка! — крикнул Марк.

— Ребята, смотрите на дорогу! — вдруг воскликнул Дэнчик, указывая пальцем вперед. — Там туман! И он... жел-

тый?

Кемпер плавно въезжал в низину, где между стволами деревьев клубилась густая, тяжелая взвесь странного охристо-желтого цвета. Она не рассеивалась от движения машины, а медленно оседала на лобовом стекле липкими, жирными каплями.

Желтый туман за лобовым стеклом становился плотнее. Он уже не просто клубился между деревьями, а лениво наползал на капот кемпера, облизывая розовый глянцевый пластик.

Дэнчик включил дворники. Щетки со скрипом скользнули по стеклу, но вместо того чтобы очистить его, лишь размазали осевшую взвесь. По стеклу потянулись широкие, мутные разводы, похожие на олифу или старый жир. Свет фар, пробиваясь сквозь эту жирную пленку, дробился на грязно-оранжевые, болезненные лучи.

— Черт, — Марк брезгливо поморщился, глядя на лобовое стекло. — Автопилот, добавь омывателя. Сильнее! Что это за дрянь на стекле?

Щетки заходили быстрее, брызнул омыватель с запахом ментола. Но смешавшись с желтым налетом, он превратился в липкую пену грязно-бурого цвета, которая намертво залепила обзор. Автопилот кемпера тихо пискнул, руль в руках Марка (который до этого мягко вращался сам по себе) внезапно дернулся и замер.

На приборной панели зажглась оранжевая надпись: *«Внимание. Оптические датчики загрязнены. Переход на ручное управление»*.

— Отлично! Просто супер! — Марк схватился за руль обеими руками, напряженно вглядываясь в узкую очищенную щелку внизу стекла. — Машина за сто пятьдесят тысяч баксов боится какого-то тумана! Крис, это твоя «Био-Гармония» так пахнет? Мы точно едем в правильном направлении?

— Марк, не кричи на меня, навигатор прокладывал маршрут, — Крис быстро застучала пальцами по экрану планшета, но её лицо уже потеряло былую уверенность. — Я пытаюсь загрузить карту лесничества из кэша. Но... тут странные аномалии с GPS. Погрешность геопозиционирования — триста метров. Нас показывает где-то посреди глухого болота, хотя мы едем по бетонке.

— По бетонке? — тихо переспросила Лика.

Она снова прильнула к боковому окну. Желтый туман снаружи стал настолько густым, что стволы деревьев казались размытыми темными силуэтами, похожими на кривые ребра, торчащие из земли. Бетонные плиты под колесами больше не выглядели серыми. Они были покрыты темным, влажным налетом, в котором колеса кемпера оставляли глубокие черные следы. В некоторых местах сквозь стыки плит пробивались пучки странной, безжизненной травы бурого цвета.

И тут они проехали мимо первого дорожного знака.

Он стоял накренившись, почти у самого края дороги. Это был старый ржавый треугольник, краска на котором давно облупилась и пошла пузырями. Но странно было не это. К верхней части металлического шеста ржавой колючей проволокой был примотан старый, растрепанный армейский ботинок. Из его дырявого носка торчал пучок сухой соломы, похожий на гнилые пальцы.

— Эй... — Дэнчик на секунду опустил телефон. — Ребята, вы видели это? Там... ботинок на знаке.

— Очередной арт-объект, — неуверенно произнесла Крис, хотя её голос заметно дрогнул. — Наверное, местные художники привлекают внимание к проблеме загрязнения лесов обувными отходами. Полно таких инсталляций в Европе...

— В Европе их делают из чистого пластика, Крис, — сухо заметил Марк. — А этот ботинок выглядел так, будто в нем кто-то сгнил. Бортовой компьютер! Включить противотуманные фары на максимум!

«*Выполнено...*» — отозвался компьютер. Его голос стал еще более глухим и хриплым, словно динамики забило влажной пылью.

Два мощных светодиодных прожектора на крыше кемпера ударили вперед. Они пробили туман метров на десять, выхватив из желтой мглы дорогу. Бетонные плиты впереди пошли крупными трещинами, из которых сочилась темная,

маслянистая вода. Лес вокруг казался мертвым. Ни одного шороха, ни одного движения веток. Только тяжелый, натужный гул электромотора кемпера, который теперь работал как-то прерывисто, с тихим, металлическим посвистыванием.

— Чат... — Дэнчик посмотрел на экран телефона. Экран мерцал серыми полосами. Кадры трансляции зависали каждые две секунды. — Похоже, у нас реально проблемы со связью. Битрейт упал до нуля. Но... смотрите, комменты всё равно идут. Откуда они идут, если связи нет?

Он приблизил лицо к экрану. Строчки комментариев двигались медленно, буквы расплывались и накладывались друг на друга, превращаясь в бессмысленный набор символов. Но среди них отчетливо читалось одно и то же слово, повторяющееся снова и снова:

«ЖРИ... ЖРИ... ЖРИ...»

— Что за дурацкий флешмоб? — пробормотал Дэнчик, чувствуя, как внутри у него начинает расти липкое, неприятное чувство тревоги. — Ребята, хорош шутить. Это не смешно.

— Дэнчик, выключи этот мусор, — процедил сквозь зубы Марк. Он изо всех сил вцеплялся в руль. Кемпер начало слегка вести в сторону, словно колеса скользили по какому-то жидкому жиру. — Дорога уходит вниз. Крис, найди уже эту чертову карту! Сделай хоть что-нибудь полезное!

— Я ищу! — Крис почти кричала, судорожно обновляя

экран планшета. — Но сеть не ловит вообще! Даже спутники... Спутники пропали, Марк! Как такое возможно?! Мы же не в Антарктиде!

— Посмотрите туда, — Лика ткнула бледным пальцем в боковое стекло.

Сквозь желтые клубы тумана у самой обочины медленно проплыл ржавый остов старого грузовика. Его кабина была смята, словно по ней ударили гигантской кувалдой, а радиаторная решетка заросла темным, жирным мхом. Но самым жутким было то, что кузов грузовика был доверху набит старыми, почерневшими костями. Они были аккуратно сложены ровными рядами, как дрова в поленнице.

— Это... это просто старый скотомогильник, — прошептала Крис, бледнея на глазах. Пакет с веганскими чипсами выпал из ее дрожащих рук, рассыпая зеленые хлопья по чистому лавандовому ковровину салона. — Наверное, старая ферма...

— Из костей скота не строят поленницы, Крис, — тихо сказала Лика. В её глазах, обычно сонных и безразличных, впервые появился настоящий, холодный страх. — И эти кости... они слишком короткие для коров.

Глава 2

Бетонка под колесами кемпера окончательно превратилась в полосу препятствий. Розовый кузов покачивался на ухабах, как катер в легкий шторм. Туман снаружи сгустился до такой степени, что фары выхватывали лишь пару метров влажной, липкой темноты.

Вдруг Марк резко нажал на тормоз. Кемпер с тихим свистом электросистемы остановился, слегка проскользив по жирным бетонным плитам.

— Там... там кто-то есть, — прошептал Дэнчик, указывая пальцем вперед. Он инстинктивно прижал телефон к груди, хотя камера все еще работала, транслируя в пустоту серые помехи.

Прямо перед капотом машины, покачиваясь из стороны в сторону, как сухое дерево на ветру, стояла фигура. Постепенно из желтой мглы проступили очертания местного жителя.

Это был мужчина неопределенного возраста, одетый в рваную серую майку-алкоголичку, которая когда-то, возможно в прошлом веке, была белой. Сейчас она была покрыта живописными пятнами бурого цвета, мазутом и чем-то, что подозрительно напоминало засохшую горчицу. Его штаны, подпоясанные куском ржавой колючей проволоки, держались на честном слове и честных бедрах. На ногах красо-

вались разные резиновые сапоги: один красный, другой черный, причем оба были обрезаны по щиколотку.

В руке мужик сжимал помятую пластиковую бутылку из-под молока, заполненную мутной, серовато-синей жижой, на дне которой лениво колыхался какой-то темный корешок.

Мужик стоял, широко расставив ноги, и пытался сфокусировать свой единственный зрячий левый глаз на ярко-розовом капоте кемпера. Правый его глаз, подернутый белесой пленкой, смотрел куда-то в сторону крон деревьев, словно выискивая там невидимых белок.

— О боже, — прошептала Крис, прикрывая рот ладонью. — Марк, это бездомный? У него... у него очень тяжелое социальное положение. Нам нужно предложить ему батончик со спинулиной.

— Я ему сейчас монтировкой по башке предложу, если он не отойдет, — прорычал Марк, хотя его руки на руле заметно дрожали. Он решился приоткрыть боковое стекло буквально на пару сантиметров, чтобы крикнуть.

Этого хватило. Салон кемпера мгновенно, безжалостно и бесповоротно наполнила вонь такой убойной силы, что лавандовый пар от увлажнителя воздуха испуганно втянулся обратно в диффузор. Это был концентрированный перегар от самогона, настоящего на навозе и старых галошах, густо приправленный запахом немытого тела и прокисшего силоса.

Дэнчик мгновенно позеленел и икнул. Лица закашлялась,

спрятав лицо в складках своего черного плаща.

— Эй! Слышь, любезный! — крикнул Марк в щель, стараясь не дышать носом. — Шоссе где? Нам на трассу надо! Мы заблудились! Трасса где, алло?!

Мужик услышал голос. Его левый глаз медленно опустился на Марка. Лицо деревенщины расплылось в широкой, абсолютно беззубой улыбке. Десны у него были ярко-красного, воспаленного цвета, и из этой беззубой бездны обильно потекла слюна прямо на небритый, покрытый сажей подбородок.

Он сделал шатающийся шаг вперед, потерял равновесие и всем телом навалился на лакированное крыло кемпера. Раздался неприятный скрип. Мужик оставил на розовом лаке жирный, черный след от своей ладони, пахнущий машинным маслом и углем.

— Фо... фо? — прошамкал он, активно шепелявя и брызгая слюной на лобовое стекло. Из-за отсутствия зубов его речь напоминала свист дырявого чайника. — Фто фы, фырочки, форопитефь? *Хыыыык...*

— Какое «фо»?! Какое «фырочки»?! — Марк чуть не плакал от злости и подступающей рвоты. — Дорога! Асфальт! Машины! Где трасса?!

Мужик ласково погладил капот кемпера своей грязной рукой, отчего Крис издала тихий стон боли. Он поднес свою бутылку к беззубому рту, попытался сделать глоток, но промахнулся мимо губ. Серовато-синяя жижа потекла по его

шее, закапала на розовый бампер и... зашипела. Хромированная накладка бампера в месте падения капля мгновенно помутнела и пошла мелкими пузырями.

— Фы... фы... фыпи самофонки, фынок! — радостно просвистел мужик, тыча бутылкой в сторону Марка. — Самофон-то... *ыыы*... перфый форт! На потрофах Одноглазого Питера нафтоян! Хорофо греет, фволочь!

— Господи, он пьян в драбадан, — прошептала Крис, пытаясь спрятаться за спинку сиденья. — Он говорит про какие-то потроха! Марк, закрой окно, у него девиантное поведение!

— Любезный! — Марк предпринял последнюю отчаянную попытку, его голос сорвался на писк. — Покажи рукой! Туда ехать, — он показал пальцем прямо, — или назад?! Назад — это туда! Понимаешь?!

Деревенщина глубоко задумался. Его единственный зрячий глаз совершил полный оборот по часовой стрелке. Он поднял руку, растопылив грязные пальцы, похожие на обгорелые сосиски, и указал одновременно в три разные стороны: вверх, на болото слева и себе в штаны.

— Тама... — весомо просвистел он, обдав кемпер новой порцией перегара. — Тама фыфка... фыфку фыдифь? Вот за фыфкой направо... или налево... *пхааа* (он мощно рыгнул прямо в приоткрытое стекло Марка) ... корофе, фсе тама будете, уроды рофывые! *Хы-хы-хы!*

После этого мужик попытался сделать реверанс, но его но-

ги в обрезанных сапогах окончательно запутались в колючей проволоке на штанах. Он издал короткий, влажный звук задницей, потерял равновесие и с громким шлепком повалился на капот кемпера лицом вперед. Его беззубый рот присосался к лобовому стеклу, оставив на нем жирный, слюнявый след, после чего мужик медленно сполз вниз, в грязь перед колесами, и мгновенно захрапел, пуская пузыри из носа.

— Он... он умер? — заикаясь, спросил Дэнчик.

— Он спит, — Лика наклонилась вперед, разглядывая спящего на капоте гиганта. — И, кажется, он обоссался. Марк, у нас на капоте лежит мокрый, спящий философ. Что будем делать?

— Я к нему не прикаснусь! — взвизгнул Марк, брезгливо отпрянув от руля. — Вы видели его штаны?! Там... там мокрое пятно расплзается! У меня куртка от Gucci, она стоит больше, чем вся его деревня вместе со скотом!

— Марк, прояви социальную эмпатию! — закричала Крис, пятясь вглубь салона и прижимая к груди коробку с веганскими салфетками. — Он — жертва капиталистического гнета и отсутствия доступной медицины! Но руками я его трогать тоже не буду. У меня свежий маникюр с органическим напылением. Дэнчик, ты мужчина, сделай что-нибудь!

— Чё сразу Дэнчик?! — возмутился блогер, пятясь следом. — У меня вообще-то в руках камера! Я должен фиксировать этот... э-э... социальный перформанс! Подписчики, пишите в комменты, кто должен тащить обсосанного бомжа

— я или Марк! Ставьте лайк за Марка!

— Мы все сейчас здесь сгнием, если не уберем его с дороги, — бесстрастно заметила Лика, разглядывая через лобовое стекло расплывшуюся по капоту физиономию деревенщины. — По-моему, он пытается сосать наш дворник.

Марк посмотрел на лобовое стекло. Действительно, присосавшийся к стеклу мужик в полусне совершал характерные чмокающие движения губами, пытаясь поймать резиновую щетку дворника.

— Всё, с меня хватит! — Марк в ярости выдернул из бардачка рулон биоразлагаемых мусорных пакетов и пачку влажных салфеток. — Дэнчик, быстро обувай свои брендовые галоши, пошли! Мы просто оттащим его в кусты. Замо-таем руки пакетами и оттащим. Быстро!

Спустя минуту две бледные, дрожащие фигуры в неоновых куртках вылезли из теплого салона кемпера прямо в вязкую, теплую грязь. Запах на улице ударил им в лицо с силой развороченного биотуалета.

— О боже, у меня слезы текут, — всхлипнул Дэнчик, натягивая на руки розовые мусорные пакеты. — Чат, если вы это видите... донатьте на психотерапевта...

Они подошли к капоту. Мужик почувствовал движение, приоткрыл свой левый, мутный глаз и издал тихий, нежный свист.

— О-о-о... — протянул он. — Рофывые... ангелофки прифалили... Поцелуйте дедуфку...

— Хватай его за сапоги! — скомандовал Марк, задыхаясь от вони. — Я возьму за подмышки. Господи, он весь скользкий! Он как будто в олифе извалялся!

Они ухватились за него. Дэнчик вцепился в резиновые голенища обрезанных сапог, Марк, зажмурившись, просунул руки под мышки мужика. Рукава куртки Гусси мгновенно покрылись бурыми разводами неизвестного происхождения.

С трудом они стащили тяжелое, обмякшее тело с капота. Мужик шмякнулся задом прямо в грязь, но упруго спружинил и неожиданно громко, хрипло, фальшиво завыл на мотив грязного деревенского блюза, активно притопывая грязным сапогом в такт:

— *Моя куфина Фьюзи ф фарай пофла, фвинку ф фопку поцелофала!* — затянул он, пуская слюни и дико шепелявя. — *Фвинка вифжит, куфина рыдает, дедуфка иф дробовика фтреляет! И-ха-а!*

— Он поет! Этот кусок дерьма еще и поет какое-то кантри! — закричал Марк, пытающийся тащить мужика задом наперед по грязи. — Дэнчик, тяни! Тяни его в канаву!

Мужик, почувствовав, что его волокут по грязи, радостно хлопал себя руками по бокам, едва не влепив грязную ладонь Марку по лицу, и выдал следующий куплет, еще громче и гнуснее:

— *О-о-о, Брандина ф болоте фёпкой тряфла!* — выводил деревенщина беззубым ртом. — *Бобби пукнул — калитка фвыла! Кофы дохнут, фриф рыдает, Луифиана ф дерьме*

фплывает!

— Какая Луизиана?! Какой шериф?! — вопил Дэнчик, теряя скользкие сапоги из рук. Розовые мусорные пакеты на его руках порвались, и его пальцы погрузились во что-то липкое на штанах мужика. — Марк, я больше не могу! Он... он теплый! И от него несет дешевым пойлом и мочой!

— Тяни, мать твою, тяни! — Марк отчаянно упирался ногами в скользкую бетонную плиту.

Мужик тем временем вошел в творческий экстаз. Он поймал лицом каплю дождя, зажмурился и выдал финальный аккорд своей баллады:

— *Фериф прифел на мое крыльцо...* — выл он под нос, заливаясь счастливым смехом. — *Я плюнул фрифу прямо флифо! Джек завел пилу — и фриф беф головы уполф! Хы-хы-хы! Ефё самогону, суки рофывые!*

С этим победным криком они наконец дотащили его до края дороги и с силой толкнули в канаву, заполненную бурой, булькающей жижей. Мужик шмякнулся туда с сочным, мокрым чавканьем.

На секунду он затих...

Марк и Дэнчик, тяжело дыша, устались в канаву, ожидая худшего. Но мужик лишь сладко причмокнул, перевернулся на бок, погрузив половину лица в грязь, издал оглушительный, раскатистый пердеж, от которого ближайшие камыши испуганно дрогнули, и мгновенно захрапел, пуская серые пузыри из грязной ноздри.

— Быстрее! В машину! — взвизгнул Марк, бросая обрывки порванных пакетов.

Они ворвались в салон кемпера, как выжившие в зомби-апокалипсисе. Марк судорожно вырвал у Крис пачку салфеток и начал яростно тереть свои руки, сдирая кожу до красноты. Дэнчик дрожащими руками лил на себя ментоловый антисептик, завывая от ужаса.

— Моя куртка... — скулил Марк, глядя на бурые пятна на рукавах Gucci. — Она уничтожена. Этот урод уничтожил мою куртку своими песнями про какую-то «жопу Бобби»!

— Но песня была... ритмичной, — тихо заметила Крис из своего угла. — В ней чувствовался дух первобытного распада. Особенно куплет про тещу и пилку.

— Крис, заткнись! — заорали Марк и Дэнчик одновременно.

Кемпер, слегка пошатываясь от пережитого шока, медленно тронулся дальше, объезжая спящего в канаве поэта. Желтый туман впереди начал медленно расступаться, открывая вид на первые ржавые крыши Гнилого городишка.

Глава 3

Кемпер медленно полз вперед. Попытка Марка очистить салон с помощью влажных салфеток привела лишь к тому, что дорогой лавандовый пар окончательно смешался с запахом мочи и застарелого сивушного перегара. В салоне воцарился уникальный, удушающий аромат, который Дэнчик мысленно окрестил «фиалковым биотуалетом».

— Мои кроссовки... — тихо скулил Марк, глядя на некогда белоснежную подошву Yeezy, которая теперь была покрыта ровным слоем бурой, дурно пахнущей маслянистой слизи. — Крис, твоя экология — это просто адское дерьмо. Зачем я согласился ехать через этот лес? Мы могли просто нанять вертолет!

— Марк, вертолет выделяет тонны углекислого газа в атмосферу! — автоматически отозвалась Крис, но её голос звучал слабо и испуганно. Она сидела, поджав под себя ноги, чтобы не дай бог не коснуться пола, на котором сиротливо валялись раздавленные зеленые чипсы из водорослей. — И вообще, это... это просто неблагополучный пригород. В любой стране есть такие... депрессивные районы с низким уровнем социальной поддержки. Сейчас мы найдем местную администрацию или заправку. Там должен быть стационарный телефон.

— Администрацию? — Дэнчик издал короткий, сухой

смешок, не отрывая взгляда от бокового окна. — Думаю, мэр этого места сейчас спит в канаве, которую мы только что проехали. Смотрите. Мы въезжаем.

Желтый туман впереди начал медленно расступаться, неохотно открывая взглядам подростков окраины Гнилого городишка.

Это место не было похоже ни на один цивилизованный населенный пункт. Здесь не было улиц в привычном понимании — вместо них между грудями мусора петляли грязные, раскисшие колеи. Дома представляли собой ржавые остовы старых трейлеров, водруженных на покосившиеся силикатные кирпичи, или собранные из листов ржавого железа лачуги. Кое-где стены были залатаны кусками автомобильных покрышек и обрывками брезента, покрытого черной плесенью. Из некоторых крыш торчали изогнутые ржавые трубы, из которых лениво поднимался жирный, черный дым, пахнувший паленой кожей и пластмассой.

— Офигеть... — прошептал Дэнчик, наводя камеру телефона на проплывающий мимо «дом». — Чат, вы видите это? Это какой-то безумный постапокалипсис! Реально, как в Fallout, только воняет по-настоящему. Нам тут точно никто не рад.

На одном из ржавых трейлеров висел покосившийся щит. На нем грязно-бурой краской, которая местами облупилась и напоминала засохшую кровь, было криво выведено: «ДОБРО ПОФАЛОВАТЬ Ф ГНИЛОЙ ГОРОДИФКО». Причем бук-

ва «Ш» была зачеркнута, а вместо нее красовалась «Ф» — видимо, предыдущий знакомый Марка приложил руку и к местной топонимике.

Под знаком на ржавой бочке сидела жирная, облезлая ворона. Она равнодушно посмотрела на ярко-розовый кемпер своим мутным глазом, издала хриплый звук, похожий на кашель курильщика, и неохотно взлетела, оставив на бочке кусок обглоданного крысиного хвоста.

— Марк, давай просто развернемся, — Крис прижала планшет к груди, её плечи дрожали. — Пожалуйста. Давай поедем назад. Пусть мы потеряем два часа в пробке. Мне здесь не нравится. Здесь... очень плохой радиационный фон, я уверена. И воздух... он тяжелый.

— Развернуться?! — Марк нервно дернул руль, но кемпер лишь жалобно пискнул в ответ. — Крис, эта розовая коробочка весит три тонны! А ширина этой колеи — полтора метра! Справа — болото с костями, слева — ржавые контейнеры! Если я съеду с бетонки, мы увязнем тут до конца жизни! Нам нужно проехать вперед, найти хоть какую-то площадку для разворота...

Он замолчал, потому что приборная панель снова замигала красным.

«Внимание. Заряд батареи — тридцать восемь процентов. Температура охлаждающей жидкости электродвигателя — критическая. Обнаружено попадание вязких субстанций в систему охлаждения. Рекомендуется немедлен-

ная остановка».

— Какая немедленная остановка?! — закричал Марк, ударив кулаком по рулю. — В этой помойке?! Едь, сука, едь!

Электромотор кемпера ответил ему странным, натужным звуком. Привычный бесшумный ход сменился тяжелым, металлическим скрежетом, словно кто-то там, внутри, яростно пытался перекрутить куски ржавой колючей проволоки. Розовый кузов мелко задрожал.

Они медленно двигались вглубь городишка. Из тумана начали проступать новые детали местного ландшафта.

На одном из пустырей, усеянном битым стеклом и ржавыми консервными банками, на деревянном шесте была установлена... голова старого манекена. Её пластиковое лицо было покрыто слоем копоти, а вместо глаз в глазницы были грубо вкручены две ржавые свечи зажигания. Из приоткрытого пластикового рта манекена свисал обрывок грязной цепи.

— Это... это просто местный колорит, — пробормотал Дэнчик, пытаясь удержать телефон ровно. Его пальцы, испачканные в ментоловом антисептике, скользили по экрану. Интернет, то пропадал, то появлялся вновь. — Ребята в чате пишут, что мы попали на съемочную площадку какого-то инди-фильма. Эй, чат, напишите, кто режиссер! Это Роб Зомби, да? Ребята, если это Роб Зомби — я его фанат!

— Дэнчик, заткнись, — тихо сказала Крис. — Посмотрите туда. Нам, похоже, тут не рады.

Сквозь щели между ржавыми листами железа соседнего барака на них кто-то смотрел. Подростки не могли разглядеть лиц — только темные, неподвижные силуэты, замершие в проемах дверей без стекол. В желтом тумане эти фигуры казались частью самого пейзажа, безжизненными и холодными, как ржавые трубы, торчащие из земли. Но Марк кожей чувствовал эти взгляды — тяжелые, липкие, полные немого, животного любопытства.

Кемпер, издав последний, протяжный металлический вздох, дернулся и окончательно заглох посреди небольшой площади, заваленной старыми крышками и обломками ржавых холодильников. Пропеллер системы охлаждения натужно крутился, выбрасывая в воздух облако вонючего, жирного пара.

Наступила абсолютная, звенящая тишина. Только пар с тихим шипением вырывался из-под розового капота.

Глава 4

Салон кемпера медленно наполнялся гарью. Электроника приборной панели издала прощальный писк, моргнула розовым неонам и полностью погасла, погрузив кабину в полумрак. Внутри стало душно, а аромат «фиалкового биотуалета» начал приобретать отчетливые нотки горелой пластмассы.

— Всё, — глухо сказал Марк, опуская руки с руля. — Приехали. Батарея сдохла. Если мы останемся внутри, мы просто угорим. Надо выходить.

— Выходить?! — взвизгнула Крис. — Марк, ты с ума сошел? Там... там люди в дверях стоят! Они похожи на персонажей из фильмов про каннибалов! У них деформированное восприятие реальности, они могут быть агрессивными!

— А здесь мы задохнемся через пять минут, — Марк уже спокойно открывал защелку пассажирской двери. — К тому же, на улице хотя бы нет этого лавандового ада.

Он решительно шагнул наружу. За ним, кашляя и прикрывая носы рукавами, потянулись остальные.

Ноги подростков мгновенно погрузились в вязкую, теплую жижу, которая покрывала всю «центральную площадь» Гнилого городишка. Площадь представляла собой заваленный хламом пустырь. В самом центре высился импровизированный монумент: груда старых автомобильных двигателей,

скрепленных ржавыми цепями, на вершине которой красовался помятый бак от трактора, утыканный сухими свиными ребрами. Из бака лениво поднимался сизый дымок — там явно тлел какой-то мусор.

Желтый туман висел низко, скрывая крыши лачуг. В воздухе стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь далеким, ритмичным скрипом какого-то железа на ветру.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — крикнул Марк, стараясь придать своему голосу максимум уверенности, которая обычно помогала ему увольнять прислугу в доме отца. — Нам нужен автомеханик! Или эвакуатор! У меня есть деньги! Много денег!

Он демонстративно вытащил из кармана бумажник и достал пачку новеньких, хрустящих стодолларовых купюр. Зеленый цвет банкнот ярко контрастировал с общим серо-бурым пейзажем.

Из-за ближайшей кучи покрышек медленно показалась фигура.

Это был невысокий, сильно сгорбленный человек в пончо, сшитом из грязных мешков из-под картошки. Лицо его было покрыто копотью, а вместо носа у него красовался аккуратный деревянный колышек, подвязанный веревочкой вокруг затылка. Мужик тащил за собой на веревке ржавое железное корыто, в котором лежали старые пилы и какие-то темные, сморщенные объекты, похожие на сушеные уши.

Он остановился в паре метров от Марка, наклонил голову

набок и уставился на него своим единственным глазом (второй был закрыт грязной кожаной повязкой).

— Механик? — Марк сделал шаг вперед, протягивая купюру. — Вот. Сто долларов. Просто вызови эвакуатор. Или покажи, где тут телефон!

Мужик с деревянным носом медленно протянул грязную, покрытую шрамами руку и аккуратно взял бумажку. Он поднес её к своему деревянному носу, шумно втянул воздух, затем лизнул край купюры языком, который оказался странно-го фиолетового цвета.

— Фо за бумага? — проскрипел он хриплым, свистящим голосом. — Не горит, не греет... Невкуфно. На кой она мне?

После чего он свернул стодолларовую купюру в трубочку, засунул её себе под кожаную повязку на глазу и смачно высморкался прямо в грязь.

— Вы... вы только что уничтожили сто долларов! — задохнулась от возмущения Крис. — Это же государственная валюта! Вы можете обменивать её на товары и услуги! Например, купить себе новые штаны или... нормальный протез для носа!

Мужик медленно перевел свой единственный глаз на Крис. Его взгляд скользнул по её чистенькому худю, ухоженным волосам и остановился на планшете.

— Волофы... — пробормотал он, причмокнув фиолетовыми губами. — Глянь, у нее волофы как свежая солома на сеновале. Давай отрежем на чучело? Мардж как раз просила

для огорода...

Из тумана начали подтягиваться другие местные жители. Они появлялись бесшумно, словно вырастая из куч мусора.

Старуха с лицом, похожим на сушеный чернослив, одетая в лохмотья из мешковины, тащила за собой ржавую коляску, в которой лежала куча грязных костей. Она остановилась и принялась внимательно разглядывать Дэнчика, который судорожно пытался поймать хоть одну палочку связи, направляя телефон в небо.

— Гляди, у парня коробка светится, — прошамкала старуха, тыча грязным пальцем в экран смартфона. — Игрушка? Давай отберем, Бобби в суп бросит для блеску?

Тем временем со стороны кемпера раздался странный звук.

Два чумазых подростка в драных комбинезонах, измазанных мазутом, подошли к розовой машине. Один из них, с лицом, полностью покрытым сажой, несмело протянул руку и лизнул капот.

— Рофывый... — прошептал он, зажмурившись от удовольствия. — На вкус как... как конфета химическая! Лысый, иди сюда, он сладкий!

Второй парень, постарше, с кривыми зубами, торчащими во все стороны, подошел к боковому зеркалу кемпера, открыл рот и с хрустом откусил кусок пластикового корпуса. Он пожевал его, поморщился и выплюнул под ноги:

— Горько! Пластмасса невкусная! Давай колесо отпилим,

Джек просил резины для костра!

— Эй! Отошли от машины! — закричал Марк, бледнея.
— Это частная собственность! Я полицию вызову!

Местные жители дружно загоготали. Смех у них был странный — сиплый, лающий, переходящий в кашель. Они обступили подростков плотным кольцом, медленно сужаясь. Запах вокруг них стоял такой, что Дэнчик всерьез пожалел о том, что не остался в горящем салоне кемпера.

— Чат... — прошептал Дэнчик, пятясь назад и упираясь спиной в теплый бок машины. — Кажется... кажется, у нас проблемы с целевой аудиторией. Они не хотят подписываться. Они хотят... отрезать Крис волосы на чучело...

— Спокойно, — прошептала Крис, хотя её зубы уже выбивали дробь. — Мы должны показать им, что мы дружелюбные. Ребята, у кого есть еда? Дайте им еду! Это снизит уровень их агрессии!

— У меня есть батончик с протеином и сушеной клюквой, — заикаясь, произнес Марк, вытаскивая из кармана блестящую обертку. — Нате! Жрите! Только не трогайте нас!

Он швырнул батончик мужику с деревянным носом. Тот поймал его на лету, уставился на блестящую обертку, после чего... засунул батончик прямо в обертке себе в рот и с громким хрустом начал жевать, пуская изо рта фольгированные искры и слюни.

— Хруфтит... — одобрительно заметил он, сглатывая фольгу вместе с клюквой. — Но пресно. Соли мало. Давай

их куртки снимем? Они яркие, на ярмарке за пальцы обменяем...

— Ладно, фырочки... — проскрипел мужик с деревянным носом, шумно сглатывая остатки протеинового батончика вместе с фольгой. — На ярмарку ф вашими куртками рано. Идите к Бобби ф закусочную. Она тама, на краю пuffy-тыря. Нафывается «Ефь или фдохни». Тама тепло, и супчик фвежий булькает. Может, и вафу рофывую повозку кто починит... если Бобби её на запчасти не пустит.

— Закусочная? — Марк ухватился за это слово как за спасительный круг. — Там есть телефон? Связь? Нам просто нужно вызвать эвакуатор! Мы заплатим!

— Идите-идите... — старуха с коляской плотоядно ухмыльнулась своим сморщенным ртом. — Тама вам фсё объяснят... и про телефон, и про услуги...

Окруженные молчаливой толпой чумазных местных жителей, подростки медленно двинулись через пустырь к покосившемуся зданию на окраине. Вывеска закусочной представляла собой ржавый металлический лист, на котором тускло мигала неоновая трубка, выгибаясь в буквы: «*ЕШЬ ИЛИ СДОХНИ*». Из окон заведения валил густой, жирный пар, пахнувший горелым салом, луком и чем-то кислым.

Они поднялись на скрипучее деревянное крыльцо. Марк взялся за ржавую дверную ручку, обмотанную грязной изолентой, и обернулся к друзьям:

— Так, держимся вместе. Крис, не вздумай читать им лек-

ции про экологию. Дэнчик, спрячь телефон. Лика, перестань строить свои похоронные гримасы и...

Марк осекся. Он уставился на Крис, потом на Дэнчика.

— Эй... — Марк нахмурился. — А где Лика?

Крис растерянно оглянулась назад, в желтый туман площади. За ними стояли только молчаливые местные жители, разглядывающие их с тупым любопытством. Черного плаща готессы нигде не было видно.

— Она... она шла за мной, — заикаясь, произнес Дэнчик.

— Или... подожди. Крис, ты видела, как она выходила из машины?

— Я... я не помню! — запаниковала Крис. — В салоне так воняло, Дэнчик орал, ты крутил руль... О боже! Мы что, оставили её в лесу?!

События получасовой давности.

Кемпер только что остановился на бетонных плитах из-за спящего впереди пьяного реднека. В салоне воцарился невыносимый аромат ментолового антисептика, мочи и перегара.

Пока Марк и Дэнчик, матерясь и натягивая мусорные пакеты на руки, выходили через переднюю дверь бороться с алкашом, Лика поняла, что еще одна минута в этой душной кабине — и её стошнит прямо на собственные брендовые готические платформы. Пользуясь тем, что все внимание Крис было приковано к Книге жалоб на планшете, Лика тихо открыла заднюю дверь кемпера и выскользнула наружу, что-

бы подышать и, заодно, сходить в туалет за ближайший куст папоротника.

Она только-только зашла за раскидистый, покрытый серой плесенью куст и начала подтягивать свои черные колготки в сеточку, как вдруг спереди раздался дикий визг Марка. *«Быстрее! В машину!»*

Лика хотела крикнуть, чтобы они подождали, но не успела открыть рот. Задняя дверь кемпера захлопнулась с тихим щелчком автодоводчика. Розовый электромобиль, издав натужный свист своего забитого грязью двигателя, резко рванул с места, обдав кусты папоротника струей бурой жижи из-под колес.

Лика осталась стоять в грязи. Желтый туман мгновенно сомкнулся за бесшумно уезжающим кемпером, поглотив розовые габаритные огни.

— Отлично, — тихо сказала Лика в абсолютной тишине мёртвого леса. — Просто потрясающе.

Глава 5

Розовые габаритные огни кемпера окончательно растворились в желтой мгле. Ли́ка осталась стоять посреди колеи. Липкая влага лениво капала с ветвей деревьев на её черный капюшон, а платформа левого сапога Demonia медленно погружалась в теплую, маслянистую грязь.

— Идиоты, — тихо сказала Ли́ка в пустоту леса. — Оставили меня. Дэнчик, наверное, прямо сейчас объясняет чату, что моё исчезновение — это метафорический уход персонажа во тьму.

Она обернулась. Рядом, в канаве, булькало и хрипело. Ли́ка подошла к краю обрыва и заглянула вниз.

Местный реднек лежал в грязи на боку, уютно подложив под голову ржавую консервную банку. Его обрезанные резиновые сапоги торчали из жижи, а из носа надувался и лопался грязный серый пузырь.

Ли́ка вздохнула, присела на корточки и потыкала мужика в плечо лежавшей рядом корягой:

— Эй. Проснись. Вставай, ковбой.

Мужик испуганно чихнул, серый пузырь лопнул, обдав его лицо грязными брызгами. Он медленно приоткрыл свой левый мутный глаз, уставился на Ли́ку в ее черном плаще и бледном гриме, после чего его беззубое лицо расплылось в счастливой дебильной улыбке:

— О-о-о... — прошамкал он, обдав её свежей порцией сивушного перегара. — Фмерть прифла... Готифьяная моя... Наконец-то... А то голова фтрафно фолит после фчерафне-го...

— Я не смерть, — бесстрастно отозвалась Лика. — Меня зовут Лика. Мои друзья уехали на розовой машине. Куда ведет эта дорога?

— Туда... — мужик неопределенно махнул грязной рукой в сторону тумана, едва не ткнув себя пальцем в ухо. — На рофывом гробу поплыли... К Бобби поехали... Бобби любит рофывых... они мягкие... фарить удобно... хых (он громко и облегченно пернул в грязь).

— А нормальная трасса где? — Лика поморщилась, пытаясь не дышать. — Шоссе? Город? Где люди, которые не пахнут протухшей капустой?

— Траффа? — мужик задумался, его глаз совершил ленивый оборот. — Траффа тама... за фыфкой... Которой нет... Иди за фыфкой, фёфка... А у тебя... ыыы... пива нет? Ну хоть глотоцек...

— Нет у меня пива, — вздохнула Лика, поднимаясь. — Спи дальше, философ.

— Ну и ф ладно... — пробормотал деревенщина, закрывая глаз. — Тогды я пофплю... А ты иди... Ф тумане фсе равно фсе фдохнем... Хорофо-то как...

Мужик сладко причмокнул фиолетовыми губами, уткнулся носом в грязь и снова захрапел, пуская пузыри.

Ли́ка вздохнула, поправила чёрный парик и медленно пошла вперед по коле́е — туда, куда уехал кемпер.

Желтый туман вокруг становился только плотнее. Он клубился у самых ног, скрывая глубокие выбоины в бетонных плитах. Ли́ка шла, ориентируясь на стыки бетонных плит, которые ритмично хлюпали под её тяжелыми платформами. Но постепенно туман стал настолько густым, что она перестала видеть даже собственные колени. Свет вокруг приобрел болезненный, желтушный оттенок.

В какой-то момент Ли́ка заметила, что идти стало легче. Ноги больше не ударялись о твердые стыки бетона, а мягко погружались во влажный, пружинящий мох.

— Странно, — пробормотала она, останавливаясь. — Разве на дороге растет мох?

Она опустила голову и попыталась разглядеть землю. Бетонные плиты исчезли. Вместо них под её сапогами чернела жирная, влажная лесная почва, покрытая гнилыми листьями и какими-то бледными грибами, похожими на человеческие пальцы. Она сошла с дороги.

Ли́ка обернулась назад, но сзади была лишь сплошная стена желтого пара. Бетонки не было видно. Она попыталась сделать несколько шагов влево, надеясь нащупать дорогу, но вместо этого её сапог с хлюпаньем ушел глубоко в болотную жижу, едва не оставив Demonia в трясине.

Вокруг царила абсолютная, звенящая тишина мёртвого леса. Ни птиц, ни ветра, ни звуков далекого кемпера. Толь-

ко тяжелые капли темной влаги с тихим стуком продолжали падать на её черный капюшон.

Ли́ка стояла посреди скрюченных, покрытых серой паутиной деревьев, понимая, что она окончательно заблудилась в лесу, который пах смертью.

Глава 6

На крыльце закусочной «Ешь или сдохни» царил настоящий хаос, который при других обстоятельствах мог бы соборать миллионы просмотров.

— Марк! Мы должны вернуться! — Крис в истерике трясла Марка за рукава его испорченной куртки Gucsi. — Лика там одна! В лесу! Без средств индивидуальной защиты! Её же могут съесть несертифицированные дикие волки! Или она подхватит столбняк от этих ужасных знаков!

— Крис, отпусти меня! — Марк пытался вырваться, его лицо было красным от напряжения и злости. — Как мы вернемся?! Наша тачка сдохла! Мне что, на закорках тебя тащить?! Или Дэнчик нас на своей селфи-палке покатит?!

— Ребята, тихо... — Дэнчик с безумным видом тыкал пальцем в мерцающий экран телефона. — Чат... комменты идут. Вот, чувак с ником *Goth_Killer* пишет: «Лика покинула чат. Навсегда». Ребята, мне страшно. Нам нужно позвонить в службу спасения! 911! Почему 911 не работает в этой дыре?!

В этот момент со стороны площади раздался жуткий, скрежещущий звук, похожий на то, как если бы кто-то тащил ржавый лист железа по битому стеклу.

Подростки замерли. Из желтого тумана, виляя из стороны в сторону, выкатилась двухколесная деревянная тачка, доверху набитая абсолютным, первосортным хламом: ржавы-

ми шестеренками, поломанными тостерами, головами от кукол Барби и какими-то подозрительными сушеными хвостами.

Тачку толкал перед собой мужик. На нем был надет плащ, полностью сшитый из старых автомобильных номеров штата Луизиана, которые при каждом его движении звякали, как доспехи безумного рыцаря. На голове красовались авиаторские очки, в которых вместо стекол были вставлены донышки от пивных бутылок, из-за чего его глаза казались гигантскими и зелеными. В зубах он сжимал дымящуюся самокрутку, пахнущую сухой полынью и навозом.

Мужик был определенно пьян. Он покачивался так сильно, что его номера на плаще вызвали ритмичный кантри-мотив.

— Эй, чистоплюи! — радостно заорал он, заметив подростков. У него отсутствовала половина зубов, но говорил он на удивление бодро и громко. — Покупай товар! Настоящий американский хлам! Прямиком из Вашингтона! Всё высшего качества, мамкой клянусь!

Он с грохотом опустил тачку прямо у крыльца, обдав Марка фонтаном вонючей грязи.

— Мужчина! — Крис сделала шаг вперед. — Послушайте! У нас пропала подруга! Нам нужен телефон! У вас есть мобильный? Или хотя бы рация? Мы заплатим!

Хламщик, которого звали Барни «Шестеренка», поправил свои пивные очки, отчего его зеленые глаза дико округли-

лись, и устался на Крис.

— Телефон? — Барни презрительно сплюнул под ноги. — На кой хер свободному американцу телефон, детка? Чтобы правительство следило, сколько самогона я выпил?! Нет уж! Зато у меня есть кое-что получше! Настоящие швейцарские часы!

Он покопался в своей тачке и с гордостью вытащил ржавый будильник без стрелок и циферблата, внутри которого что-то уныло гремело, как гайка в пустой консервной банке.

— Покупай! Показывают всегда без пяти смерть! — Барни затряс будильником перед носом Марка. — Отдам по дешевке! Вот за эту розовую куртку и твои смешные кроссовки!

— Но на них даже нет стрелок! — закричала Крис.

— Зато как тикает, сука! Слышишь? — Барни потряс будильник у своего уха. — Чистый импорт! Прямоком из Китая... или из канавы Джека, хрен разберешь!

— Послушай, любезный, — Марк попытался взять себя в руки, хотя его левый глаз уже нервно дергался. — Нам не нужен твой будильник. Нам нужен механик. Кто может починить нашу машину?

Барни ухмыльнулся, затянулся самокруткой и выпустил струю вонючего дыма прямо в лицо Марку:

— Механик? О-о-о, сынок, у нас тут лучший сервис на всем Юге! Лысый Джек починит твою тележку за пять минут! Правда, он обычно все чинит с помощью бензопилы...

В прошлый раз он чинил трактор Билли и случайно отпилил Билли ногу. Зато трактор теперь заводится с пол-оборота! И Билли больше не нужно тратить деньги на второй сапог! Сплошная экономия, сынок!

— О боже... — Дэнчик тихо сполз по стене закусочной.
— Чат... напишите в комментариях, что мы выживем... пожалуйста...

— А вообще, — Барни гордо выпрямился, отчего его плащ из номеров звякнул, как церковный колокол. — Вы вовремя приехали! Гнилой городишко — это же жемчужина туризма! Вы обязаны посетить наши достопримечательности, пока вас не пустили на суп!

— На суп?! — переспросила Крис, бледнея.

— Ну да, Мардж как раз сегодня свежие глазки варит, ух, вкусотища! — Барни причмокнул губами. — Но сначала — экскурсия! Записывайте, чистоплюи:

Первая достопримечательность — Великая Городская Свалка! Она сразу за пустырем. Там такой дым от горящих крышек — закачаешься! В прямом смысле, у нас там на прошлой неделе двое туристов так закачались, что до сих пор очнуться не могут. А по пятницам там Лысый Джек крыс бензопилой пилит на скорость — чистый Бродвей, детка!

Вторая — Гнилое Озеро! Вода там — чистый свиной бульон, густой, наваристый, с пузырями! Если повезет, увидите Брандину. Она там белье стирает... ну или трупы полощет, мы так и не поняли, но выглядит очень живописно! Особен-

но когда её глаз на жиле в воде плавает, как поплавок!

И третья — Наша Ярмарка! Там Клоун Гек крутит карусель из дохлых собак! Для гостей катание бесплатное! Ну, почти бесплатное — Гек обычно берет в качестве платы один палец. Но у вас их по десять штук на руках, так что не обеднеете!

Барни закончил свою презентацию, широко улыбнулся и протянул руку к Марку:

— Ну что, берем экскурсию? С вас ваши куртки, телефоны и... пожалуй, вон те розовые очки у парня с камерой. Они отлично подойдут моей свинье, у нее как раз депрессия!

Марк, Крис и Дэнчик стояли на крыльце, онемев от ужаса. Они наконец осознали две вещи: они застряли в месте, где человеческая жизнь ценится дешевле ржавого будильника, а их единственная подруга Лика прямо сейчас бродит где-то в лесу, который окружает этот ад.

Глава 7

Если бы Лике кто-нибудь три часа назад сказал, что она будет мечтать о стакане теплого соевого молока с лавандовым сиропом, она бы плюнула этому человеку в лицо.

Но сейчас, когда левый сапог Demonia при каждом шаге издавал сочный, хлюпающий звук «чавк-чавк», а правый носок окончательно промок от холодной, маслянистой болотной жижи, готическое мировоззрение Лики трещало по швам.

«Окей, Лика, соберись», — думала она, продираясь сквозь колючие ветки какого-то мертвого кустарника, который отчаянно пытался зацепиться за её черный плащ. — «Ты ведь сама писала в своем блоге: „Я жажду слиться с первозданной тьмой, уйти в объятия вечного покоя“. Ну вот. Тьма вокруг. Покой мертвенный. Из первозданного — только вонь гнилой капусты и мокрый мох. Почему же тебе так сильно хочется домой, к теплему пледу и сериалам на Netflix?»

Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Воздух в лесу был настолько густым и влажным, что казалось, его можно пить. Желтый туман не рассеивался, а медленно оседал на её лице липкими, холодными каплями, отчего бледный грим потек, превратив Лику в подобие грустного енота-сатаниста.

«Интересно, что сейчас делает Дэнчик?» — горько усмех-

нулась она про себя. — «Наверное, бегает вокруг кемпера и пытается поймать 5G, чтобы запустить челлендж „Выживи в лесу без латте“. А Марк, небось, уже пытается подкупить деревья золотой картой своего папы. Крис... Крис, скорее всего, высчитывает экологический ущерб от того, что я заблудилась».

Ли́ка посмотрела под ноги. Мох под её платформами лениво пузырился бурой жижей. Вокруг высились стволы деревьев — скрюченные, покрытые серыми лишайниками, они напоминали уродливые кости, торчащие из могилы. Ветки переплетались над головой, создавая плотный, гниющий купол, сквозь который не пробивалось ни единого луча света.

И тут Ли́ка почувствовала запах.

Это не был привычный запах болотной гнили или прелой хвои. Сквозь желтую мглу пробился отчетливый аромат... дровяного дыма. Но дым этот был странным — в нем угадывались едкие нотки паленой шерсти, дешевого табака и прогорклого жира. Так пахнет печка, в которой топят не сухими дровами, а старыми галошами и обглоданными костями.

«Где дым, там люди», — подумала Ли́ка, хотя внутренний голос, воспитанный на дешевых фильмах ужасов, яростно кричал ей: *«Беги назад, дура! Люди в этом лесу не пользуются интернетом и едят прохожих!»*

Но деваться было некуда. Платформы промокли насквозь, пальцы на ногах онемели от холода, а перспектива провести ночь на болотной кочке в компании пищащих невиди-

мых тварей казалась еще менее привлекательной, чем встреча с местными аборигенами.

Лица медленно побрела на запах, стараясь выбирать места потверже, где сквозь мох проглядывали черные корни деревьев.

Туман впереди начал немного редеть, и вскоре на небольшой поляне, окруженной высокими мертвыми соснами, показался силуэт.

Это была хижина. Она выглядела так, словно её построили из обломков старых кораблекрушений и мусора со свалки. Косые стены были сложены из почерневших от сырости бревен, местами залатанных листами ржавого кровельного железа и кусками старого линолеума с цветочным рисунком. Крыша, покрытая слоем гнилой соломы и прелых листьев, провисала посередине, а из кривой жестяной трубы лениво поднимался тонкий шлейф черного дыма.

Вместо забора хижину окружал частокол из кривых палок, на которые были насажены ржавые консервные банки, тихо звеневшие при каждом слабом вздохе ветра. На деревянной двери, сколоченной из старых ящиков, висела подкова — причем прибитая вверх ногами, словно хозяин дома сознательно пытался высыпать всё везение обратно в болото.

В единственном маленьком окошке, затянутом мутной полиэтиленовой пленкой вместо стекла, брезжил слабый, желтушный свет керосиновой лампы.

Лица медленно подошла к калитке. Ржавая цепочка тихо

звякнула. Она замерла, вглядываясь в окошко. За полиэтиленом двигалась какая-то темная, сгорбленная тень.

«Ну всё, Лика», — подумала она, делая шаг к двери. — «Либо там живет добрый лесничий, который напоит тебя чаем и вызовет вертолет... либо это твоя финальная готическая сцена. По крайней мере, декорации подобраны безупречно».

Она поднялась на три скрипучие ступеньки крыльца, занесла руку в мокрой черной митенке и трижды постучала в тяжелую деревянную дверь.

Внутри хижины всё мгновенно стихло. Скрип половиц прекратился. Тень в окне замерла. Только капли темной влаги продолжали методично стучать по её капюшону: *кап... кап... кап...*

Глава 8

— Что он такое несет? — спросила Крис, испуганно глядя вслед дребезжащему плащу Барни, который медленно скрывался в желтом тумане вместе со своей тачкой.

— Не обращай внимания, этот деревенщина в стельку, — буркнул Марк, с силой толкнув тяжелую деревянную дверь закуской.

Над дверью вместо колокольчика глухо звякнула ржавая консервная банка из-под бобов. Подростки вошли внутрь и тут же замерли, окончательно задохнувшись от местного гостеприимства.

Закусочная «Ешь или сдохни» внутри напоминала декорации к фильму о зомби-апокалипсисе, который поленились убрать после съемок. Потолок был покрыт толстым слоем липкой копоты, а лопасти старого вентилятора под потолком вращались так медленно и натужно, словно лопастями загребали густой кисель. Мутные люминесцентные лампы мигали и противно гудели, заливая помещение мертвенно-зеленым светом. Пол, выложенный потрескавшейся линолеумной плиткой, был настолько липким, что кроссовки Марка при каждом шаге издавали сочный звук присоски.

У стены стоял старый музыкальный автомат, из которого вместо музыки доносился лишь утробный, шипящий гул, прерываемый далеким, искаженным завыванием губной гар-

мошки.

За тремя липкими пластиковыми столами спали местные жители. Один реднек в драном джинсовом комбинезоне лежал лицом прямо в тарелке с бурой жижей, и его мощный храп поднимал на поверхности жижи маленькие жирные пузыри. Второй спал на боку, обнимая пустую бутылку и тихо посапывая в такт мигающей лампе.

Из-за стойки, лениво шаркая стоптанными шлепками, вышла женщина.

Она была огромной, как двухдверный холодильник. Её грязно-розовый фартук был покрыт живописными пятнами, самое крупное из которых на груди напоминало карту Южной Дакоты. Растрепанные волосы соломенного цвета были заколоты ржавой отверткой, а в зубах она яростно пережевывала кусок ярко-розовой жвачки, лопаая пузыри с громкостью пистолетных выстрелов. На её бейджике из малярного скотча было криво написано: «*БЕТТИ*».

— А ну, фырочки, рассаживайтесь, — пробасила Бетти, бросив на ближайший стол три ламинированных меню, которые мгновенно прилипли к пластику. — Чё жрать будете? Сегодня у нас Боббиев чили с сюрпризом. Сюрприз в том, что Бобби сам не помнит, кого он туда покрошил! *Чпок* (она громко лопнула пузырь жвачки).

— Извините, женщина... Бетти, — Марк попытался выдавить из себя вежливую улыбку, но его лицо больше напоминало судорогу. — Нам не нужно меню. Нам нужен телефон.

Стационарный телефон. Понимаете? Нам нужно позвонить!

Бетти остановилась, наклонив голову набок, отчего отворотка в её волосах опасно качнулась. Она перевела взгляд с Марка на мигающую неоновую вывеску, а затем снова на Марка.

— Телефон? — протянула она, шумно сглатывая слюну. — Был телефон. На стене висел, красивый, черный. Только Бобби его проводом зубы ковырял, когда сухожилие застряло, а Лысый Джек трубку бензопилой распилил — подумал, что это белка-шпион подслушивает наши государственные секреты. Так что телефона нет. Меню читать будете, или сразу нести трупный рассол? Он холодненький, утренний, Мардж только процедила.

— Трупный... рассол? Лысый Джек? Кто все эти... — заикаясь, спросил Дэнчик, бледнея. Телефон в его руке выдал короткий писк и окончательно выключился. — А у вас... у вас есть зарядка для айфона? Лайтнинг?

Бетти уставилась на Дэнчика своими маленькими поросычьими глазками:

— Лайтнинг? Это имя твоей кобылы, сынок? У нас тут только одна кобыла была, Лулу, да и ту Бобби в прошлом году на шашлык пустил, потому что она на него косо посмотрела. Так что зарядки для кобыл у нас нет. Красавица, ты чё молчишь? Бери меню, читай.

Крис, дрожащими пальцами подцепив край липкого ламинированного листа, с трудом оторвала его от стола и за-

глянула внутрь. Её глаза округлились.

— О боже... — прошептала она. — Марк... Дэнчик... посмотрите на позиции...

Дэнчик заглянул через её плечо. В меню, написанном от руки жирным маркером, значилось:

1. «Суп из болотных ушей»
2. «Ребрышки Одноглазого Питера на углях»
3. «Чили от Бобби» (*«острое, как понос дьявола»*).
4. «Веганский салат „Зеленая тишина“» (состав: *«кладбищенский пустырник, мох настоящий на мочеvine, дождевой червь для протеина»*).

— А... а у вас есть безлактозное молоко? — прошептала Крис, чувствуя, как у нее подкашиваются ноги. — Или... или хотя бы чистая бутилированная вода? Без... без червей?

Бетти сочно хохотнула, отчего её тройной подбородок затрясся, как студень:

— Безлактозное чё? Вы с какой планеты прифалили? У нас вода только из Гнилого Озера. Она хорошая, жирная, наваристая, на хлеб мазать можно! Если её прокипятить два раза, то черви почти не кусаются! А сковородку, на которой Бобби чили жарит, мы вообще с восемьдесят шестого года не мыли — навар отличный, пальчики оближешь! Вместе с пальчиками! *Чпок* (снова лопнул пузырь).

В этот момент реднек, спавший лицом в тарелке, издал громкий всхлип, его голова с влажным шлепком приподнялась, обдав стол брызгами серой подливки. Он мутно посмот-

рел на Марка, прощамкал: «*Налей пива, косая...*» — и снова рухнул лицом в тарелку с сочным звуком *ПЛЮХ*.

— Так, — Марк шумно выдохнул, пятясь к двери. — Крис, Дэнчик, мы уходим. Мы найдем Лику, сядем в кемпер и будем сидеть там, пока нас не найдут. Здесь живут психи. Абсолютные, неизлечимые психи.

— Куда это вы собрались, фырочки? — Бетти мгновенно преградила им путь своей монументальной тушей. В руке у нее откуда-то появился ржавый разделочный тесак, которым она лениво начала ковырять под ногтями. — Бобби уже развел огонь на кухне. Он не любит, когда гости уходят голодными. Это его... расстраивает. А когда Бобби расстроен, его пердеж становится токсичным для окружающей среды. Так что рассаживайтесь, милые. Будем кушать.

Глава 8

Дверь хижины заскрипела так протяжно и жалобно, словно Лика наступила на хвост очень старому и больному кой-оту.

В проеме показалась фигура, которая заставила Лику на секунду пожалеть о том, что у нее нет с собой чеснока, серебряных пуль или хотя бы баллончика с перцовым газом. Это был Бубба Лэндис-младший.

Бубба обладал уникальной анатомией: его гигантская, мощная шея плавно переходила в крошечную, сужающуюся кверху голову, из-за чего он напоминал перезрелую грушу, которую забыли снять с ветки. На нем был надет холщовый комбинезон на одной лямке, измазанный мазутом и чем-то бурым, а из-под грязного козырька кепки John Deere торчали редкие, сальные волосенки. Его левое ухо было заметно выше правого, а глаза смотрели в абсолютно разных направлениях: правый косил на Лику, а левый напряженно разглядывал паутину на дверном косяке. В руке Бубба сжимал огромный ржавый разводной ключ, с которого капало что-то черное и вязкое.

Бубба уставился на Лику. Его рот, в котором одиноко торчали три желтых зуба, медленно приоткрылся.

— К-к-к-кто... ч-ч-чё... н-н-надо?! — выдавил он, отчаянно заикаясь и брызгая слюной. Каждое слово давалось его

крошечному мозгу с видимым трудом. — Я... я... я не б-б-брал... с-с-самогон... у М-м-мардж!

Ли́ка поняла: если она сейчас покажет страх, этот великан с умом трехлетнего ребенка просто раздавит её своим разводным ключом, как надоедливую муху. Времени на раздумья не было. Она вспомнила все пафосные готические паблики, на которые была подписана, выпрямилась во весь рост, раскинула руки в стороны, позволив широким черным рукавам плаща взлететь, как крылья летучей мыши, и произнесла самым глубоким, загробным голосом, на который была способна:

— Трепещи, смертный! Я — Ли́ка, Тень Бездны! Сестра бледной луны и вестница вечного распада! Я пришла из ледяных чертогов вечной ночи, чтобы испытать твоей... то есть, чтобы обрести приют под твоей крышей!

Бубба замер. Его глаз, смотревший на Ли́ку, округлился так сильно, что едва не выпал из орбиты. Он посмотрел на её мертвенно-белое лицо, черные губы, потекший под глазами грим и мокрый плащ. В его крошечной голове зашевелились ржавые шестеренки мыслительного процесса.

«Т-т-тьма...» — подумал Бубба. — «Н-н-настоящая Т-т-тьма прифла... К-к-как в книжке, которую м-м-папа курил...»

Разводной ключ с грохотом выпал из его дрожащих пальцев, едва не отдавив Ли́ке платформу сапога. Бубба с глухим стуком рухнул на колени прямо в грязную лужу на крыльце,

подняв фонтан брызг:

— О... о-о-о! В-в-вели... в-в-великая... Г-г-госпожа! — заикаясь сильнее прежнего, запричитал он, складывая грязные ладони в молитвенном жесте. — Т-т-ты... т-т-ты прифла за... з-з-за м-м-моей ду-ду-душой?! Я... я не ф-ф-флудил ф коровнике! Че-че-честное слово!

Лика едва удержалась от того, чтобы не рассмеяться от нелепости происходящего. Готический пафос сработал на сто процентов.

Лика быстро скользнула взглядом по его широченной груди. Там, прямо поверх мазутного пятна на комбинезоне, была пришита старая, полуоблезлая тканевая нашивка с какой-то фабрики, на которой крупными буквами было выведено: «**БУББА ЛЭНДИС-МЛАДШИЙ**».

Быстро сообразив, что это её золотой билет, Лика величественно подняла подбородок и произнесла самым ледяным тоном, на который была способна:

— Твоя душа слишком ничтожна для бездны... Бубба Лэндис-младший! — её голос прозвучал так, словно она знала его имя еще до сотворения мира.

Бубба от этого заявления буквально задрожал. Его косящий левый глаз испуганно дернулся и сошелся у переносицы с правым.

«О-о-о... В-в-всевидающая Т-т-тьма!» — в ужасе подумал Бубба, окончательно поверив в её божественное происхождение. — «О-о-она знает моё и-и-имя! И про к-к-коровник

точно знает!»

Он судорожно пополз за ней на четвереньках, как преданный пес:

— Д-д-да! Д-д-да, Г-госпожа! Я б-б-быстро! Щ-щ-ща... п-п-протру!

Внутри хижина выглядела не лучше, чем снаружи. Посреди комнаты стоял покосившийся стол, заваленный деталями от бензопил и обглоданными костями, а в углу дымила ржавая печка-буржуйка. Бубба подскочил к единственному деревянному табурету, сорвал со своей шеи грязное засаленное полотенце и принялся яростно тереть сиденье, заикаясь от усердия:

— Ф-ф-вот! Ч-ч-чисто! П-п-присаживайся, В-в-величество! Я... я... я принесу п-п-подношение!

Он бросился к шкафчику, споткнулся о собственную ногу, с грохотом повалил ведро с мазутом, но быстро поднялся и протянул Лике свой самый ценный трофей — стеклянную банку, внутри которой в мутной воде плавала дохлая мышь и кусок блестящей фольги от шоколадки.

— П-п-подарок... д-д-для Т-т-тьмы! — благоговейно произнес Бубба, протягивая банку на дрожащих руках и преданно глядя на Лику снизу вверх. — О-о-очень б-б-блестит!

Лица величественно приняла банку двумя пальцами, стараясь не смотреть на дохлую мышь.

— Бездна... принимает твоё подношение, Бубба, — медленно произнесла она, ставя банку на стол. — Оно пахнет...

весьма концептуально. А теперь скажи мне, верный слуга, есть ли у тебя еда, которая не пыталась умереть в этой банке? Ибо Тьма... слегка проголодалась.

Глава 9

Марк, Крис и Дэнчик, бледные от страха, попятились назад и послушно плюхнулись на липкие стулья. Стыки сидений прижались к их одежде с противным влажным прилипанием.

В этот момент дверь на кухню с грохотом распахнулась, и в душный зал закусочной ворвалась плотная волна пара, пахнущая паленой шерстью, острым перцем и застарелым перетопленным жиром.

Из проема, покачиваясь и едва не застревая в дверях плечами, величественно выплыл сам Толстяк Бобби Пузырь. Он был колоссален. Жировые складки на его боках колыхались в такт его тяжелым шагам, а рубашка, сшитая из кусков человеческой кожи, натянулась на его необъятном животе до предела. В руках Бобби держал огромный, покрытый толстым слоем черной сажи котел, из которого валил серый пар, а из-под крышки доносился влажный, хлюпающий звук: *бульк... бульк... бульк...*

Бобби с грохотом водрузил котел прямо на липкий пластиковый стол мажоров.

Бобби выпрямился, упер руки в свои необъятные бока и посмотрел на подростков сверху вниз. Его голос прозвучал на удивление глубоко, громко и совершенно отчетливо, без малейших заиканий или дефектов речи — так разговарива-

ет человек, который абсолютно уверен в своем кулинарном величии:

— Жрать подано, городские сучки! — пробасил Бобби, широко улыбаясь и обнажая свои неровные желтые зубы. — Свежак, только с огня! Кто первый оценит стряпню Жареного Короля?! Если не понравится — пушу на фарш для следующей порции!

Он дернул крышку с котла.

Воздух в закусочной мгновенно превратился в химическое оружие. Внутри котла лениво пузырилась густая, буро-серая масса, на поверхности которой плавали крупные кружочки жира, какие-то серые волокна и что-то, подозрительно похожее на обглоданную человеческую фалангу пальца с остатками ногтя.

Марк почувствовал, как к горлу подступает теплая волна шампанского, которое он пил в кемпере. Крис судорожно зажала рот ладонью, а её глаза стали огромными от ужаса.

— Ну? Чё застыли, рожи кривим? — голос Бобби стал заметно тише и опаснее. Он потянулся к огромному ржавому половнику, торчащему из его кармана. — Я весь день у плиты стоял, кости колол, жир цедил... Вы чё, мою стряпню не уважаете, суки?

Бетти за его спиной многозначительно качнула тесаком, а спящий в тарелке реднек громко всхлипнул во сне, словно предчувствуя скорую развязку.

И тут Дэнчик понял: это его звездный час. Или его по-

следние секунды жизни. Он судорожно схватил свой выключенный айфон, направил черную камеру на Бобби, а затем на котел, и включил свой самый жизнерадостный, фальшивый голос профессионального блогера-миллионника:

— Всем привет, с вами ресторанный критик Дэнчик! И сегодня у нас эксклюзивный, уникальный выпуск прямо из сердца... э-э... аутентичной локальной кухни! Мы проводим обзор на легендарное блюдо от шеф-повара Бобби!

Бобби замер. Его рука, тянувшаяся к половнику, остановилась. Он с любопытством уставился на телефон Дэнчика.

— Критик, говоришь? — Бобби довольно хмыкнул, отчего его пузо одобрительно затряслось. — И чё, твоя коробочка покажет мой чили всей стране?

— Всему миру, шеф! — заверил его Дэнчик, чувствуя, как по спине струится холодный пот. Он зачерпнул ржавой ложкой немного серой жижи из котла. Ложка потянула за собой длинную, слизистую нить. Дэнчик зажмурился, мысленно попрощался со своими подписчиками и засунул жижу в рот.

Его вкусовые рецепторы мгновенно устроили революцию. Это был вкус чистой серы, пережженного свиного сала, болотной тины и чего-то такого острого, от чего его язык мгновенно онемел. Дэнчик с трудом сглотнул, подавил рвотный рефлекс и выдал самую восторженную улыбку, на которую был способен:

— О-о-о, ребята! Это... это просто взрыв вкуса! Неверо-

ятная текстура! Шеф Бобби использует потрясающую технику медленного томления. Чувствуются изысканные... э-э... древесно-угольные нотки с легким оттенком дичи. Это говядина, шеф? Вы выдерживали её в сухом маринаде?

Бобби Пузырь залился громовым, счастливым смехом, от чего люстра над столом испуганно зазвенела:

— Говядина?! Скажешь тоже, пижон! Это Одноглазый Сэм! Точнее, то, что от него осталось после августовской Жатвы Глазных Яблок. Я его неделю в бочке с трупным рассолом морил, чтоб мясо мягким стало! А навар такой, потому что я эту кастрюлю с прошлого века не мыл! Нагар дает чистый шоколадный привкус, смекаешь?

— Шоколадный... да, абсолютно! — Дэнчик активно закивал, чувствуя, как его желудок начинает медленно плавиться изнутри. — Тончайший умами-эффект! Крис, Марк, вы просто обязаны это попробовать! Это же... гастрономический шедевр! Живая история на тарелке!

Марк посмотрел на Дэнчика как на сумасшедшего, но Бобби уже протянул половник с чили прямо к его лицу:

— Ну? Чё, сука, брезгуешь? Жри, давай! А то расстроюсь!

Марк, зажмурившись, взял половник дрожащими руками. Он сделал крошечный глоток. Его глаза мгновенно налились кровью, а из ноздрей, как ему показалось, вылетела струйка дыма.

— О... очень... пикантно, — прохрипел Марк, едва сдерживая слезы. — Мой отец... обязательно инвестировал бы в

ваше заведение, Бобби. Это... потрясающе.

— Во-о-от! Это я понимаю — ценители! — Бобби довольно хлопнул Марка по плечу так, что тот едва не ушел лицом в котел. — А то Джек вечно орет, что пресно, и пытается свою пилу в суп засунуть для вкуса. Ешьте, суки, ешьте! У меня еще целая бочка этого добра на кухне стоит!

Крис, глядя на то, как её друзья медленно переваривают остатки Одноглазого Сэма, тихонько сползла под стол, молясь, чтобы Бобби не заметил её веганское худы.

Глава 10

Ли́ка сидела на покачивающемся деревянном табурете, изо всех сил пытаясь сохранить величие Тёмной Королевы. Пальцы ног в мокрых сапогах онемели, а желудок яростно требовал еды.

Бубба Лэндис-младший, преданно заглядывая ей в глаза своими разнонаправленными зрачками, суетливо копался в ржавой буржуйке. Наконец, он с торжественным видом вытащил закопченную чугунную сковородку. На ней лежали сморщенные, скользкие грибные шляпки грязно-синего цвета, которые тускло флуоресцировали в полумраке хижины.

— С-с-свежие... — благоговейно заикаясь, произнес Бубба, протягивая ей сковородку. — Б-б-болотные ш-ш-шляпки! М-м-мама их... ф-ф-фильтровала ф мазуте... М-мягкие, к-как ушки дохлого к-койота! Ку-ку-кушай, Тьма!

Ли́ка посмотрела на синее светящееся месиво. Её внутренний голос кричал: *«Не трогай это! Ты умрешь в страшных муках прямо на этой табуретке!»* Но Бубба смотрел на неё с такой надеждой, а её образ грозной повелительницы бездн требовал решительных действий. Тёмные боги не боятся болотных грибов.

— Бездна принимает твою трапезу, Бубба, — величественно произнесла Ли́ка.

Она аккуратно подцепила двумя пальцами скользкую си-

нюю шляпку и засунула её в рот. На вкус гриб напоминал влажный подвал, смешанный со стиральным порошком и сгнившей клубникой. Лица с трудом сглотнула.

— Изысканно, — прошептала она, закрывая глаза. — Чистый распад...

И тут мир вокруг Лици начал стремительно меняться.

Сначала исчез удушающий запах гари и мокрой псины. Воздух внезапно наполнился невероятно сладким, приторным ароматом сахарной ваты, спелой земляники и свежеспеченных вафель. Копоть на бревенчатых стенах хижины начала медленно растворяться, превращаясь в нежно-розовую, мерцающую краску. Ржавая буржуйка в углу задрожала, её углы округлились, и она превратилась в милый пряничный домик, из трубы которого полетели разноцветные блестяшки и мыльные пузыри.

Лица испуганно открыла глаза и чуть не закричала от ужаса. Её худший, самый страшный кошмар гота стал реальностью.

Мир вокруг стал двухмерным, рисованным мультфильмом компании Disney золотой эры анимации. Линии предметов были безупречно ровными, цвета — пастельными и яркими, а контуры её собственных рук были аккуратно обведены жирными чернилами.

Стеклянная банка на столе, в которой еще минуту назад плавала дохлая мышь в мутной жиже, превратилась в сияющий хрустальный купол. Мышь внутри внезапно ожила. Она

страхнула с себя болотную слизь, её глазки превратились в огромные, сияющие черные пуговицы со звездочками внутри, а на теле появился крошечный синий фрак с золотыми пуговицами.

Мышка весело подпрыгнула, уселась на край банки и запела тонким, невероятно чистым и звонким голоском:

— Солнышко светит, птички поют! В Гнилом болоте нас радости ждут! Сбрось свой плащ уныния, милая сестра, время для веселья и вечного добра!

Бубба Лэндис-младший тоже изменился. Он больше не был уродливым реднеком. Он превратился в гигантского, пушистого синего монстра с добрыми, влажными глазами лани и огромной улыбкой. Самое удивительное было в том, что когда он открыл рот, его заикание полностью исчезло (ведь в диснеевских мюзиклах все поют безупречно).

Бубба прижал лапы к своей пушистой груди и запел невероятным, бархатным оперным баритоном, от которого у Лики заложило уши:

— О, наша королева, явилась ты из снов! Принесла нам радость, дружбу и любовь! Твой взор ласкает травы, твой голос как ручей, мы будем петь до утра среди лесных лучей!

Из-под щелей в полу, которые теперь выглядели как новенький паркет, одна за другой начали выбегать лесные мышки и божьи коровки. Они не были грязными болотными крысами — это были милые рисованные зверюшки с огромными ресницами. Они подбежали к грязным сапогам Лики

и принялись весело чистить их крошечными щеточками, напевая хором:

— *Чистим, чистим мы сапог! Пусть сияет каблучок! Грязь уходит в никуда, только радость навсегда!*

— Прекратите! — попыталась закричать Лика, в ужасе вскакивая с табурета. — Прекратите этот ад! Я Тьма! Я вестница смерти! Слава Сатане!

Но из её рта вместо крика вырвалась безупречная, парящая-сопрано мелодия. Её голос автоматически автотюнился под стандарты принцесс Диснея, и она, сама того не желая, запела, раскинув руки и кружась по комнате:

— *О-о-о, как прекрасен этот дивный ле-е-ес! Полный сказок, песен и чуде-е-ес! Моё сердце бьется в такт с ручье-е-ем! Мы построим замок и спое-е-ем!*

Две нарисованные синие птички влетели в открытое окно, весело чирикавая, и водрузили на голову Лики веноч из нежных белых ромашек. Лика попыталась сбросить его, но её пальцы лишь изящно коснулись цветов в красивом танцевальном па.

«Господи, это передозировка!» — в панике думала Лика, пока её тело продолжало кружиться в жизнерадостном вальсе с пушистым Буббой. — «Эти грибы... они превратили мою готическую душу в розовый кисель! Нужно найти ребят, пока я не начала обниматься с деревьями!»

Она изо всех сил попыталась сконцентрироваться на своей миссии. Посмотрев на поющего баритоном пушистого ве-

ликана Буббу, она пропела свой приказ в рамках мюзикла:

— О, верный мой пушистый зверь! Открой в лесную чащу две-е-ерь! Беги в деревню сладких грез, где ждет нас караван из ро-о-оз! Найди моих друзей скорей, спаси от злых лесных зверей!

Бубба Лэндис-младший прижал лапу ко лбу, из его огромных глаз брызнули мультяшные, фонтанирующие слезы счастья. Он преклонил колено, поцеловал край её черного (теперь мерцающего блестками) плаща и пропел в ответ:

— Я выполню приказ, моя луна! Твоя воля для меня священна и одна! Бегу сквозь ветер, бурю и туман, спасу твоих друзей из дальних стра-а-ан!

С этими словами пушистый Бубба весело подпрыгнул, сделал сальто в воздухе и, напевая задорный военный марш, вприпрыжку выбежал из хижины прямо в розовый светящийся туман. С калитки взлетели нарисованные бабочки, выводя в небесах радугу.

Лица без сил рухнула обратно на табурет. Мышка в синем фраке подбежала к ней, протягивая на подносе крошечную чашечку с росой.

— Ну всё, Лица, — прошептала она, и её голос снова превратился в красивое эхо с колокольчиками. — Ты официально диснеевская принцесса на болоте скорби. Надеюсь, Марка прямо сейчас не едят, потому что я не смогу спасти его без песни о вечной дружбе.

Глава 11

Марк сидел за столом, судорожно сглатывая слезы. В его желудке чили из Одноглазого Сэма вел себя как стая разъяренных диких шершней, пытающихся прогрызть путь наружу.

— Ну что, мажор, хорош плакать от счастья! — Бобби Пузырь довольно хлопнул Марка по плечу, отчего тот чуть не пропахал носом липкую столешницу. — Вижу, зацепила тебя моя стряпня! Хочешь еще половничек? Для инвесторов мне не жалко! Мы с тобой, сучок розовый, этот чили на Бродвее по сто баксов за миску толкать будем! Назовем «Слезы мажора», ух, бизнес попрут!

— Я... я больше не могу, шеф Бобби... — прохрипел Марк, бледный как смерть. — Мой... мой инвестиционный портфель... переполнен...

Дэнчик, всё еще держа телефон перед лицом Бобби, судорожно кивал, пытаясь выдавить из себя улыбку:

— Да-да, чат просто в восторге от размера порции! Но нам, как ресторанным критикам, нужно... э-э... сделать паузу для дегустации десерта...

В этот момент дверь закуской не просто открылась — она с оглушительным треском влетела внутрь, сорвавшись с одной ржавой петли. Консервная банка-колокольчик с визгом улетела под потолок и скрылась в облаке жирного пара.

В проеме стоял Бубба Лэндис-младший.

Его глаза косили в разные стороны сильнее обычного, грушевидная голова тряслась от возбуждения, а комбинезон на одной лямке был мокрым от болотной жижи. В руках он сжимал свой ржавый разводной ключ, словно это был священный штандарт. Бубба тяжело дышал, раздувая ноздри, и на его лице сияло выражение абсолютного, религиозного экстаза.

— Б-б-бобби! — заорал он, отчаянно заикаясь и брызгая слюной на спящих реднеков. — Б-б-бэтти! Ф-ф-все... н-н-на колени, с-с-суки!

Бетти, ковырявшая тесаком под ногтями, недовольно подняла голову:

— Бубба-младший, ты чё, опять мазута с тормозухой наглотался? Ты мне дверь сломал, урод косоглазый! Я из тебя сейчас отбивную сделаю!

Бобби Пузырь нахмурился, его лоснящееся лицо потемнело:

— Слышь, Бубба, шёл бы ты отсюда. У меня тут важный бизнес-ланч с миллионерами из города. Не порть мне атмосферу своим заиканием.

Но Бубба даже не посмотрел на Бобби. Его правый косящий глаз сфокусировался на розовой куртке Марка и испуганном лице Дэнчика.

— О-о-о! — взвыл Бубба, указывая на них разводным ключом, как пророк на грешников. — С-с-слуги! С-с-слуги

В-в-великой Т-т-тьмы! Я... я... я н-н-нашел ваф!

— Чего?! — Марк вытаращил глаза. — Какая тьма? Какие слуги?

— Т-т-тьма! — благоговейно прошептал Бубба, преклоняя одно колено прямо в липкую грязь на полу закусочной. — О-о-она п-п-пришла на м-м-мой к-к-крыльцо! О-о-она п-п-пела... к-к-как с-с-синяя... п-п-птичка! И у н-н-ней священные... ч-ч-черные... п-п-плат... п-п-платформы! О-о-она п-п-приказала... п-п-привести ваф к н-н-ней ф х-х-хижину!

Крис, которая всё это время тихо сидела под столом, обнимая свои колени, медленно высунула голову наружу:

— Синяя птичка?.. Черные платформы?.. О боже... Марк! Дэнчик! Это Лика! Она жива!

— Жива? — Марк опешил. — Но почему этот гигантский debil называет её «Великой Тьмой»?! И при чем тут синяя птичка?!

— Наша Лика... — прошептал Дэнчик, округлив глаза. — Она... она что, захватила власть в местном лесу?!

Бобби Пузырь, слушая этот бред, окончательно потерял терпение. Он со стуком опустил свой половник в котел с чили:

— Слышь, Бубба, кончай этот цирк. Какая Тьма? Твоя Тьма — это, небось, обычный облезлый енот, который забрался к тебе под одеяло, а ты с перепою решил, что это Сатана! Эти городские сучки — мои личные гости! Мы с ними

франшизу открываем на Бродвее! Я их никуда не отпущу, они еще десерт не пробовали!

Бубба Лэндис-младший медленно поднялся с колен. Его лицо налилось багровой краской, а крошечная голова воинственно втянулась в плечи:

— Н-н-нет! Т-т-тьма... п-п-покарает т-т-тебя... г-г-гневом б-б-бездны, б-б-жирный ублюдок! О-о-она... п-п-пела про к-к-караван и-и-из р-р-роз! Т-т-ты... т-т-ты не смеешь... о-о-обижать её с-с-слуг!

— Ах ты мазута недоделанная! — взревел Бобби, хватая свой огромный ржавый тесак со стола. — Мой чили — вот настоящее величие! А твоя Тьма — кусок болотного дерьма! Бетти, держи дверь, сейчас я буду учить этого заику хорошим манерам!

Бетти сочно лопнула пузырь жвачки и встала перед выбитой дверью, поигрывая своим тесаком. Бубба зарычал, покрепче перехватив свой разводной ключ.

Марк, Крис и Дэнчик испуганно забились под стол, понимая, что сейчас прямо над их головами начнется битва двух титанов Гнилого городишка — за право обладания «слугами Тёмной Королевы».

Глава 12

Ли́ка сидела на деревянном табурете в центре хижины, которая в её глазах всё еще сияла нежно-розовыми пастельными тонами. Маленькие рисованные мышки в крошечных фраках весело кружились вокруг её промокших сапог Demonia, а нарисованная синяя птичка увлеченно пыталась свить гнездо в её черном готическом парике. Ли́ка чувствовала себя абсолютно счастливой, воздушной и готовой петь о вечной любви к цветам и бабочкам.

Вдруг тяжелая деревянная дверь хижины с треском распахнулась.

Реальность: На пороге стоял Лысый Джек. Его огромная лысая башка блестела от холодного дождя, как ржавый котелок, глаза горели безумным азартом, а в руках он сжимал свою любимую ржавую бензопилу с погнутыми зубьями. От Джека несло дешевым самогоном, мочой и запекшейся кровью. Он пришел в хижину Буббы, чтобы найти детали для своего мотора, готовый распилить любого, кто встанет у него на пути.

Галлюцинации Ли́ки: Дверь открылась с волшебным, хрустальным звоном колокольчиков. На пороге появился очаровательный, пухлый и невероятно забавный гномик-лесоруб. У него была идеально круглая, сияющая розовая лысинка, забавные сердитые бровки и смешной круглый нос. В руках

гномик держал большую игрушечную желто-черную бензопилу, которая выглядела как дружелюбный, пузатый шмель.

Джек резко дернул шнур стартера. Бензопила взревела, выплевывая облако вонючего сизого дыма: *ВРРРРРРРРУ-УУУУУУУ!* Джек оскалился, ожидая услышать привычные вопли ужаса.

Ли́ка захлопала в ладоши и мелодично, хрустально рас-смеялась:

— Ой! Смотрите, ребята! — пропела она, указывая на пилу нарисованным мышкам. — Какой милый, пузатый шмель прилетел! Как забавно он жужжит! *Бззз-бззз!*

Джек опешил. Он замер на пороге, его бензопила продолжала реветь, но её лезвие медленно опустилось. Он уставился на бледную девушку в черном плаще, которая смотрела на него с непередаваемым восторгом и нежностью.

— Ты чё за сука?! — проревел Джек, перекрикивая рев мотора. Его голос в ушах Ли́ки прозвучал как забавное, ворчливое ворчание мультяшного гнома. — Ты чё тут забыла в берлоге Буббы?! Я тебя сейчас на мясные ленты распилю!

Ли́ка изящно поднялась с табурета. В красивом, плавном танцевальном па, словно скользя по облакам, она направилась прямо к нему. Рисованные птички полетели за ней, неся в клювах венки из нежных белых ромашек, который они до этого сплели.

— *О, милый гномик-ворчун, почему ты так сердит?* —

запела Лика безупречным, парящим диснеевским сопрано, протягивая к Джеку руки. — *Твой шмель жуужжит, но сердце твоё болит! Сбрось маску злобы, мой крошечный друг, посмотри, как прекрасно болото вокруг!*

Прежде чем Джек успел сообразить, что происходит, Лика изящным, балетным движением приблизилась к нему и аккуратно водрузила веночек из ромашек прямо на его лысую, покрытую шрамами башку.

Джек замер как вкопанный. Его бензопила продолжала работать, но сам он превратился в каменное изваяние. Он медленно поднял огромную, испачканную в мазуте руку и коснулся лысины. Он посмотрел на Лику. Его мозг, привыкший к простым и понятным вещам (пилить, рубить, жрать), сейчас испытывал жесточайшую системную ошибку.

— Ты... ты чё, ебанутая? — тихо спросил Джек. В ушах Лики это прозвучало как: *«О, вы так добры, Ваше Величество!»*

— *Давай играть вместе, мой маленький гном!* — продолжала петь Лика, кружась вокруг него и весело хлопая в ладоши. — *Мы песню споем и построим наш дом! Твой шмель будет петь нам про летний цветок, а мы приготовим черничный пирог!*

Она подбежала к столу, схватила банку сдохшей мышью (которая в её глазах всё ещё была хрустальным куполом с живой поющей феей) и с сияющей улыбкой протянула её Джеку:

— *Прими этот дар из чертогов луны! Пусть снятся тебе лишь волшебные сны!*

Джек посмотрел на банку. В мутной, воняющей самомоном жиже лениво плавал трупик мыши с вывалившимися кишками.

— Это... это дохлая крыса в банке, — медленно произнес Джек, чувствуя, как его левая бровь начинает нервно дергаться. — Ты мне даришь дохлую крысу и поешь про пирог? Слышь, девка... я маньяк. Я людей пилю. Я Лысый Джек, гроза этого дерьма!

Он угрожающе взмахнул бензопилой прямо перед её лицом, но Лица лишь весело зажмурилась, подставив лицо под струю теплого выхлопного дыма, словно это был нежный весенний ветерок, полный цветочной пыльцы.

— *Ах, как тепло! Как приятно жуэжжит!* — пропела она, пытаясь погладить бензопилу рукой. — *Твой шмель так ласков, он к нам летит!*

Джек резко выключил пилу. Наступила тишина, нарушаемая лишь пискom рисованных мышей в голове Лики.

Джек стоял посреди хижины, держа в одной руке пилу, а в другой — банку с дохлой мышью. На его лице отражалась глубокая, экзистенциальная скорбь. Он повидал много дерьма в Гнилом Городке — он сражался с дерьмомонстром, он видел, как Мардж пришивает сиськи к лицу, но эта бледная поющая девка в черном плаще, которая не боялась его пилы и дарила ему дохлых крыс с песнями, пугала его до глубины

души. Это было слишком странно даже для него.

— Ну нахер... — проворчал Джек, медленно пятясь к выходу. — Это какое-то неправильное дерьмо. Бубба точно притащил в дом какую-то лесную ведьму. Я ухожу.

Он, не сводя с неё испуганного взгляда, боком выбрался на крыльцо, аккуратно прикрыл за собой дверь и быстрым шагом пошёл прочь по тропинке.

Глава 13

Битва гигантов началась без предупреждения и каких-либо правил приличия.

Бубба Лэндис-младший с диким ревом замахнулся своим тяжелым ржавым разводным ключом. Бобби Пузырь даже не попытался увернуться. Он просто выпятил вперед свое необъятное пузо. Раздался оглушительный, сочный звук — *ШЛЁП!* — словно кто-то сбросил пятитонный мешок с теплым тестом на мокрый асфальт. Жировые складки Бобби спружинили, поглотив удар ключа, и Буббу отбросило назад на пару шагов.

— Ах ты мазута заикающаяся! — взревел Бобби Пузырь, его голос прогремел над залом, заглушая шипение музыкального автомата. — Моё пузо крепче твоей веры в Тьму! Бетти, подай мне тяжелое!

Но Бетти лишь сочно лопнула пузырь жвачки, увернувшись от летящей в её сторону ржавой шестеренки, и продолжала лениво ковырять под ногтями тесаком.

Понимая, что помощи ждать некого, Бобби огляделся по сторонам. Его взгляд упал на соседний стол, где лицом в тарелке спал реднек Джо. Бобби не раздумывая подскочил к столу, ухватил спящего Джо за лямки джинсового комбинезона и одним легким движением поднял его стокилограммовую тушу в воздух.

Джо даже не проснулся. Его голова безвольно болталась, а с подбородка, пачкая пол, капала серая жижа от чили.

— Получай, урод! — заорал Бобби и взмахнул спящим реднеком, как бейсбольной битой.

Раздался сочный, влажный хлопок — *БЭМС!* — когда голова Джо на полной скорости встретила с грушевидной башкой Буббы. Серая жижа от чили брызнула во все стороны, сочно залепив объектив выключенного телефона Дэнчика, который судорожно сжимал его под столом.

— О... маман... еще пять минуточек... — невнятно пробормотал спящий Джо в полете, когда Бобби замахнулся им для второго удара.

— Н-н-не... н-н-не возьмешь! — взвыл Бубба Лэндис-младший, уворачиваясь от очередной атаки реднеком-кувалдой.

Он взмахнул разводным ключом и со всей силы обрушил его на музыкальный автомат. Автомат заискрился, задымился, и из его динамиков на максимальной громкости завывало безумное, ускоренное в три раза патриотическое кантри на банджо, превратив драку в абсолютный, сюрреалистический балаган.

Бубба, подпрыгивая в такт безумному банджо, подскочил ко второму столу, где спал беззубый Билли. Он схватил Билли за ноги и поднял его, словно швабру.

— Б-б-битва... р-р-реднеков! — проорал Бубба, заикаясь от усердия.

Началось нечто невообразимое. Два великана стояли посреди закуской и яростно дубасили друг друга спящими местными жителями. Джо и Билли сталкивались в воздухе головами и задницами с сочным чавкающим звуком, изредка приходя в себя от ударов:

— Извини, Билли... — мычал сонный Джо, пролетая мимо лица друга.

— Ничего, Джо... бывает... хых... — бормотал Билли, после чего оба снова вырубались от очередного столкновения.

Марк, Крис и Дэнчик сжались под столом в позе эмбриона. Стол ходил ходуном, на них сыпалась штукатурка, куски ламинированного меню и брызги серого чили.

— Мои Yeezy! — рыдал Марк, прижимая колени к груди. — На них упало чье-то ухо! Я хочу домой! Я хочу к папе!

— Крис! Дэнчик! — сквозь грохот кантри закричала Крис, затыкая уши. — Это наш шанс! Пока они дерутся реднеками, мы можем уползти через выбитую дверь!

— Куда уползти?! — орал в ответ Дэнчик, лицо которого было полностью покрыто серым жиром Сэма. — Там кругом одни больные ублюдки!

В этот момент Бобби Пузырь решил применить свое суперсвойство. Он напрягся, его жировые складки задрожали, лицо покраснело, и он выпустил мощный, раскатистый залп своего священного газа прямо в лицо Буббе. Облако зеленоватого, удушливого пара окутало противника. Пластиковый

стул рядом от этой вони мгновенно пожелтел и начал плавиться, как под действием кислоты.

Но Бубба Лэндис-младший, всю жизнь проживший в воючей хижине на болоте среди гниющих трупов зверей, лишь шумно втянул воздух ноздрями, блаженно зажмурился и проговорил:

— П-п-пахнет... м-м-мамочкой!

После чего он с криком «И-ха-а!» запустил спящим Билли прямо в живот Бобби. Билли спружинил от жира Бобби, улетел под потолок, сбил старый вентилятор, и тот с грохотом рухнул прямо на котел с чили, подняв фонтан бурого варева до самой крыши.

Погром в закусочной «Ешь или сдохни» достиг своего апогея. Половицы трескали, лампы лопались одна за другой, а безумное банджо продолжало орать, создавая идеальный саундтрек для этого мясного цирка.

Глава 14

Черный, помятый, покрытый копотью и царапинами Dodge Charger 1970 года ревел своим пятилитровым двигателем V8 так, словно под его капотом билась в конвульсиях стая разъяренных механических демонов. Из выхлопных труб валил густой, сизый дым, пахнувший дешевым бензином и паленым маслом.

За рулем этого ревущего монстра сидел Буч Стоун.

Буч выглядел так, будто только что сошел с плаката дешевого боевика, который крутили в видеосалонах в эпоху VHS. На нем была потертая кожаная косуха на голое тело, солнцезащитные очки-авиаторы (несмотря на то, что вокруг стремительно темнело), а в зубах он лениво пережевывал деревянную зубочистку. На его правом предплечье красовалась татуировка в виде черепа с надписью *«Рожден убивать»*, а на пассажирском сиденье рядом лежал верный помповый дробовик Remington 12-го калибра и брезентовая сумка, набитая пачками столлларовых купюр из ограбленного полчаса назад придорожного банка.

Где-то далеко позади, на федеральном шоссе, уныло выли полицейские сирены. Буч бросил взгляд в зеркало заднего вида, ухмыльнулся своей фирменной односторонней ухмылкой и смачно сплюнул зубочистку прямо на приборную панель, заваленную пустыми пивными банками.

— Думаете, поймали Буча, копы поганые? — прорычал он своим глубоким, прокуренным баритоном. — Буч Стоун не сдаётся без боя.

Увидев впереди неприметный съезд с шоссе, заросший серым, полумёртвым кустарником, Буч крутанул тяжёлый руль Доджа. Машина с ревом занесло, шины взвизгнули, и чёрный маслкар скрылся в густой чаще, подняв облако прелых листьев и пыли.

Буч рассчитывал переждать облаву в лесу, а утречком двинуть в сторону мексиканской границы. Но этот лес с самого начала показался ему странным.

Дорога под колесами быстро сменилась щербатыми бетонными плитами. Додж прыгал на стыках, ревя мотором, но желтый туман, клубящийся между деревьями, становился всё гуще. Воздух за окном потяжелел, а из дефлекторов старенького кондиционера потянуло запахом тухлого сала, дешевого алкоголя и мокрой шерсти.

Буч нажал кнопку на магнитоле. Из динамиков вместо его любимого гангста-рэпа раздался лишь противный металлический свист, переходящий в тихое, беззубое шепелявание: *«...моя куфина Фьюзи ф фарай пофла...»*

— Что за дерьмовая радиостанция? — проворчал Буч, с силой ударив кулаком по магнитоле. Магнитола выключилась, но шепелявый шепот из динамиков стал только громче. — Похоже, в этой глуши даже радио обдолбалось.

Додж на полной скорости промчался мимо канавы. Буч

мельком заметил лежащего там мужика в одном красном сапоге, который спал, пуская серые пузыри из носа. Колеса маслкара подняли волну черной, жирной грязи, которая с сочным шлепком полностью накрыла спящего реднека. Мужик во сне лишь сладко причмокнул и перевернулся на другой бок.

— Ну и дыра, — Буч поправил очки, вглядываясь в желтую мглу. — Хуже, чем в тюрьме округа Кук.

Вдруг пятилитровый двигатель Доджа закашлял. Зверский рев сменился прерывистым, металлическим чиханием. Машина дернулась раз, другой, и из-под капота повалил густой, черный дым, воняющий гарью и кислым навозом. Вязкий желтый туман, забивший воздушный фильтр Доджа, окончательно задушил американскую мощь. Машина, издав последний, натужный вздох, заглохла прямо посреди узкой бетонной колеи.

Наступила тишина, прерываемая лишь шелканьем остывающего металла под капотом и капанием какой-то липкой дряни с веток сосен на крышу Доджа.

Буч невозмутимо заглушил зажигание, взял с соседнего сиденья дробовик, с характерным металлическим звуком передернул затвор и засунул в карман кобуры несколько запасных патронов.

Он открыл тяжелую дверь маслкара и шагнул наружу. Его brutальный казак из крокодиловой кожи с сочным чавканьем погрузился в теплую бурую жижу по самую лодыжку.

— Отлично, — процедил Буч, сплевывая на землю. — Мои любимые сапоги. Если я встречу здесь хоть одну живую душу, она заплатит мне за чистку кожи.

Он поудобнее перехватил дробовик, вытащил из салона сумку с деньгами и медленно пошел вперед по колее, окунаясь в желтые клубы тумана Гнилого городишка. Буч Стоун еще не знал, что в этом лесу его дробовик Remington — это просто забавная игрушка для местных обитателей.

Глава 15

Лысый Джек быстрым шагом шел прочь от хижины Буббы Лэндиса-младшего. Он сердито сопел, разбрызгивая сапогами болотную грязь, а его лицо, обычно багровое от ярости, сейчас было бледным и растерянным. В правой руке он всё еще сжимал банку сдохлой мышью, которую Лика всучила ему в качестве «дара Тьмы» — Джек был так напуган её пением, что просто забыл выбросить этот вонючий сувенир.

Вдруг из желтого тумана, весело подпрыгивая и напевая под нос какую-то жуткую цирковую мелодию, выскочил Клоун-Расчленитель Гек. Его жёлтые патлы торчали во все стороны, в одной руке он держал ржавый тесак, а под мышкой тащил свой лучший «экспонат» — уродливую куклу, сшитую из старого тряпья, свиных ушей и высушенных пальцев.

Гек замер, увидев Джека. Его зашитая черной ниткой улыбка на щеках дернулась, а единственный целый глаз дико округлился при виде перепуганного лица приятеля.

— Джек? — прошипел Гек, приснув слюной сквозь швы. — Ты... Ты что, смерть уидел, сука? Лицо белое, как в крыте с трупным рассолом! И зачем ты эту дохлую крысу к груди прижимаешь, как родную дочку?! Хы-хы-хы!

— Заткнись, клоун! — прорычал Джек, багровея от злости. — Сними ухмылку, а то пилу заведу! В хижине Буббы сидит ведьма в черном. Она поет голосами птиц, гладит ме-

ня по башке, как сынка малого, и даритдохлых мышей. Иди и разберись с ней, у меня от нее мозги плавятся!

Гек заинтересованно приклонил голову набок, его патлы качнулись:

— Ведьма? Гладит? Куколка новая?! О-о-о! Это по моей части, суки! Ща я устрою ей кукольный театр! Хы-хы-хы!

И Гек, размахивая тесаком, вприпрыжку побежал к хижине Буббы.

Тем временем Лика в хижине как раз допевала третий куплет песни о вечной дружбе рисованным мышам, когда дверь снова распахнулась.

Реальность: На пороге появился Клоун Гек. Он скорчил свою самую страшную гримасу, пустил струю слюней сквозь зашитую пасть и угрожающе поднял тесак, готовый издать свой фирменный гиенный хохот. Под мышкой у него болталась жуткая кукла из плоти.

Галлюцинации Лики: Дверь открылась, и в комнату весело впрыгнул очаровательный, глуповатый цирковой клоун. У него были забавные, пушистые лимонно-желтые волосы, смешной костюмчик, а на лице красовался милый театральный грим — черные крестики-стежки на щеках, имитирующие улыбку. В руках он держал большую пластиковую лопатку для песочницы, а под мышкой — потрепанного плюшевого мишку с оторванной пуговицей.

Гек замахнулся тесаком и издал свой самый жуткий, визг-

ливый хохот:

— *Хыыыы-хыыыы-хыыыы!* Фырочка! Встречай Клоуна Гека! Ща мы будем резать твою шкурку!

Лица восторженно взвизгнула, всплеснула руками и подпрыгнула на месте:

— Ой, ура! Цирк приехал! Какой чудесный, забавный клоун! И какой у тебя потрясающий грим, мой милый друг! — Она подбежала к Геку и ласково ущипнула его за щеку, прямо там, где суровая нитка стягивала его плоть. — Из чего сделаны эти ниточки? Это шерсть? Как концептуально!

Гек подавился собственным хохотом. Он замер, его тесак задрожал в воздухе. Никто в Гнилом Городке никогда не щипал его за щеку. Тем более с улыбкой.

— Ты... Ты чё... сволочь паршивая... — просипел Гек, пятясь на полшага назад. — Я... я тебя испаривать пришел! Вот моя кукла, она сейчас тебя ням-ням!

Он ткнул ей под нос своего жуткого монстра из свиных ушей и пальцев.

Лица посмотрела на «монстра». В её глазах это был несчастный, старый плюшевый мишка, у которого из бока торчала набивка.

— О-о-о, бедный маленький мишка! — жалостливо пропела Лица, и её голос снова автотюнился в безупречную диснеевскую балладу. — *У мишки порвался пушистый бочок! Забыли пришить золотой ремешок! Но Тьма не оставит игрушку в беде, мы сварим пирог и поможем тебе!*

Она ловко выхватила куклу из рук онемевшего Гека. Лика присела на табурет, взяла со стола кусок ржавой проволоки (которую видела как золотую нить) и принялась аккуратно «зашивать» свиное ухо на кукле, изящно покачивая головой в такт воображаемой музыке. В реальности она просто обматывала грязную проволоку вокруг пальцев куклы, напевая под нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.